

Зубы настежь

Юрий НИКИТИН

Зубы настежь

«ЭКСМО»

2002

Никитин Ю. А.

Зубы настезь / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2002 — (Зубы настезь)

Простой российский инженер, мягкотелый интеллигент, совершает единственный в жизни Поступок и спасает женщину, случайно оказавшуюся колдуньей. Спасенная в благодарность переносит его волшебную страну, где он превращается в свирепого воина-варвара, удел которого – сражаться со злыми магами, драконами, демонами, и прочей нечистью. Но кто способен на равных биться с непобедимым бойцом, который вооружен могучим трехручным мечом, а главное – досконально знает секреты компьютерных игр, герои которых и населяют этот мир?

© Никитин Ю. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	40
ГЛАВА 9	43
ГЛАВА 10	48
ГЛАВА 11	53
ГЛАВА 12	57
ГЛАВА 13	62
ГЛАВА 14	66
ГЛАВА 15	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий НИКИТИН ЗУБЫ НАСТЕЖЬ

Часть I

ТРЕХРУЧНЫЙ МЕЧ

ГЛАВА 1

В комнате стояла настороженная тишина. Влетела бы муха, нас бы оглушило звоном жестяных крыльев. Первым зашевелился и опустил голову к бумагам на столе Михалыч, грузный немолодой инженер, семьянин и образцовый работник, любитель повозиться в огороде на даче. Остальные тихо, как мыши, разбрелись по рабочим местам, только я не мог заставить ноги двинуться с места.

Леночка, секретарь-референт, красивая как куколка, застыла перед монитором, руки на клавише, глаза замороженные, личико сразу подурнело.

Я переспросил сипло:

– Точно?

– Приказ уже подписан, – ответила она мертвым голосом. – Сама видела. Завтра с утра нам объявят. Или послезавтра, не знаю.

Я чувствовал себя так, словно меня швырнули за ненадобностью в мусорный бак. Нас закрывают за ненадобностью. За нерентабельностью, как сказано, хотя какая немедленная рентабельность от института астрофизики? Конечно же, мы ничего не можем дать огородникам прямо сейчас, не в состоянии даже повысить надой скота, что так необходимо стране... сегодня.

В желудке появилась холодная тяжесть, словно съел слишком много мороженого, а оно не растаяло, а, напротив – слиплось в льдину. Зато в груди росла пугающая пустота. Больше всего на свете ненавижу искать работу. Я боюсь новых людей, ненавижу момент, когда с потупленным взором начну переступать пороги разных фирм и предприятий, предлагать услуги, а меня будут осматривать хозяйски и бесцеремонно, копаться в моем прошлом и моих данных, подвергать сомнению мои способности. И пусть лучше так, без зарплаты уже полгода, на минимальном пособии, на слухах о возможном финансировании хотя бы в следующем году, чем искать работу...

Стараясь не поворачиваться, наверняка смотрюсь как мертвец, я уставился в окно. С пятого этажа улица праздничная и беспечная. Ночью здесь от реклам светло как днем, люди двигаются медленнее, без суеты, все странно сытые и довольные, бродят, как коровы на пастбище, рассматривают витрины дорогих магазинов, но даже сейчас при свете дня и в разгар суеты никто не выглядит таким... как я.

Двойное стекло офиса не может изуродовать красивых женщин на улице, начиная от тонконогих двенадцатилетних соплюшек, что уже начинают взрослые игры. Ходят стайками, чуть ли не всем классом. Даже по двое-трое боязно, но уже дефилируют на непомерно высоких каблуках, оттопыренные попки сами просятся в руки, а юбочки уже не мини, а микро, даже задирать не надо...

Я почти что ощутил тонкий запах духов, шумно вздохнул, чувствуя во рту вкус полыни. Мне на одноразовый поход в кафешку приходится собирать пару недель, а после этого сокращения так и вовсе хоть с протянутой рукой...

На той стороне улицы массивный дом сталинской постройки. Под аркой на ярко освещенном солнцем пятачке молоденький парнишка с баночкой пива в небрежно отставленной руке. Прислонился к каменной стене и хозяйским взором оглядывает прохожих, особенно этих девчонок-малолеток. Центральной, явно сынок «новых русских», живет в этом доме, всего под завязку, три гувернантки нос вытирают...

Яркое солнце высветило баночку, я разглядел зеленую марку самой дорогой фирмы. Он отхлебывал скучающе-пресыщенно, осматривал проходящих мимо девчонок, а они игриво хихикали и выпячивали едва только начинающие напухать молочные железы. Я заметил, что, дойдя до конца квартала, пестрые как цветы, девичьи стайки поворачивались и шли обратно, норовя пройти мимо богатенького плейбоя как можно ближе.

Черт, пронеслось в голове тоскливое. Я тоже центральной, но в нашей коммуналке народу как муравьев в трухлявом пне. С кухни всегда тянет смрадом. Самые пакостные соседи: армянин с украинской фамилией и ленивая еврейка с рязанской и двумя крикливыми детьми, постоянно готовят на общей кухне что-то национальное. Есть еще соседи: две старушки, задержанный инженер, тихий как мышь, с женой и больным ребенком, но их не видно на фоне этой наглой по полной скотскости семьи.

Я почти видел, как под дверь моей комнаты вползает смрадная струя. Форточку, естественно, не открывают. А когда я пытаюсь что-то робко вякнуть, что надо бы проветрить, начинается визг, мол, понаехали тут всякие, а им, коренным, житья не дают, свои порядки устраивают!

В уме я так это лихо отбривал, что уж если и говорить о корнях, то их корни хрен знает где, а Москва – моя, потому что русский, но вдолбленная трусливая интеллигентность: как бы не назвали антисемитом или националистом, заставляет втянуть язык в задницу. Эту советскость вдолбили так глубоко и крепко, что узбек хоть в своем ауле, хоть в Москве одинаково гордо именует себя узбеком, киргиз – киргизом, и только русские о своей национальности говорят шепотом, пугливо оглядываясь по сторонам и стыдливо краснея, словно испортили воздух неприличным звуком.

Когда эта, что с рязанской, дефилирует на кухню и в туалет по длиннющему коридору в нижнем белье – ладно, хотя фигура отвратная, но когда этот, с украинской, выходит в трусах к телефону в коридор и стрекочет на своем собачьем языке, почесывая вислое брюхо, то я прямо сейчас готов вступить хоть в «Память», хоть в русские фашисты.

Мои кулаки сжались, я чувствовал, как кровь бросилась в голову, я невольно задержал дыхание, мысленно уже размазывая их по стенам, растаптывая, разбрызгивая...

По нервам страшно ударил дикий звон. Я подпрыгнул, дико оглянулся. На столе у Леночки тихо позванивал телефон, ее тонкая рука замедленно поднялась, пальчики коснулись трубки, обволокли ее мягко и нежно, так же мучительно замедленно понесли к розовому ушку, а коралловые губки неспешно проворковали:

– Аллю?

Воздух вырвался из моей груди. Я старательно расслаблял скрученное страшным напряжением тело. И телефон звонит нормально, и Леночка двигается как всегда, это я в лихорадочном возбуждении уже готов броситься на стены. Нет, надо успокоиться, уже и так, наверное, заметили...

Взгляд снова уперся в юного плейбоя. Странно, в этот момент почему-то не ощутил вражды, несмотря даже на весь вызывающий вид. И пиво отхлебывает слишком мелкими глотками, если вообще отхлебывает, и стоит чуточку не так, и в наглом взгляде на миг мелькнуло нечто жалкое, испуганное, затравленное.

В обеденный перерыв в буфете было как на кладбище. Молча и не поднимая глаз, мы разбирали тарелки, что-то жевали, не чувствуя вкуса, а когда кто-то уронил вилку, все вздрогнули, словно взорвалась бомба.

Когда после работы я вышел на улицу, уже темную, накрытую тусклым осенним небом с редкими звездами, парнишка там же, отхлебывает элитное пиво. Если бы в баночке помещалось ведро, уже бы вылакал и ведро. Или же опустошает уже сотую банку...

Вдруг с головы до ног как окунули в горячую воду. Кровь бросилась в лицо. Я отвернулся поспешно, словно это я там стою, изо всех сил демонстрируя зажиточность, свободу, хотя в подобранную банку налил дома воды из-под крана. В такой же коммуналке.

А разве я не такой, пронеслась горькая мысль. Переулок заставлен сверкающими ино-марками. Не протиснуться. Эти черные скупил все квартиры в доме, сломали стены, чтобы каждому квартиру из десятка комнат с тремя клозетами, каждый вечер подъезжают к моему подъезду на автомобилях, больше похожих на подводные лодки. Оттуда выпархивают длинноногие красотки, юные и сочные, уже разогретые, готовые, жаркие...

Ветер пронизывал до костей. По серому заплыванному тротуару пронеслась стайка грязных оберток от мороженого, конфет, попытались зацепиться за ямки и трещины, но там полно жестяных крышек от пива. Бумажки потащило дальше, брезгливо обогнув перевернутую урну для мусора.

На квадратных часах на столбе половина девятого, если правильно рассмотрел стрелки под разбитым стеклом, темным и загаженным мухами, летучими мышами-мутантами и черт знает какой нечистью, что летает по ночам в этом пробензиненном городе.

Я съежился, чувствуя желание поднять несуществующий воротник. Уже поздняя осень, а у меня, как у большинства, одежда только зимняя и летняя, а межсезонье стараюсь проскользнуть половину в летнем, затягивая как могу, а половину уже в зимнем, делая вид на улице, что прибыл из Норильска, где зима давно в разгаре...

Впереди раздался негодующий крик. Трое подростков ухватили женщину, прижали к забору. Один деловито задирал ей платье, второй с довольным гоготом ухватил ее за грудь, третий неспешно расстегивал пояс на джинсах.

– Мерзавцы! – кричала женщина. – Подонки!

Парни гоготали, один посоветовал деловито:

– Мадам, Чак Норис в этих случаях рекомендует расслабиться и постараться получить удовольствие.

– Мерзавцы!

На меня никто не обратил внимания, я вроде бы двигался мимо, а крутые парни хватили женщин и насиловали прямо на центральных улицах. Разобщенный и униженный народ боялся поднять глаза, все торопливо мимо, и я как все...

– А ну оставьте ее!

Голос мой был злой, я сам удивился, но мое тело уже шагнуло в их сторону. На меня в недоумении оглянулись все трое. Даже женщина перестала кричать, а только всхлипывала и смотрела большими испуганными глазами.

Один из тройки, в черной куртке и с голыми руками, весь в наклейках, нашлепках, змейках, с серьгой в носу, сказал гнусаво:

– Ты что, мужик?.. Смерти захотел?

А второй ухмыльнулся, в его руке щелкнуло, блеснул нож. Глаза без злобы, но с интересом смотрели в мое лицо. Я сжал зубы и пошел на него. Потеря работы, вечное унижение, да поди они все пропадом...

Красная пелена застлала глаза. Я ударил, кулак угодил в твердое. Самому стало больно, ударил еще и еще, неумело, но в ярости, слышал крики, потом меня ухватили за плечо, женский голос закричал в самое ухо:

– Хватит!.. Хватит!.. Опомнись, герой!

Я тряхнул головой, меня всего трясло, я ж никогда не дрался, даже в детском садике избегал, а тут зубы стучат, не могу остановиться, все во мне двигается, весь в огне, а вдоль улицы мелькают трое теней, все шатаются, один прыгает на одной ноге, второй хромот, за всеми тремя по асфальту блестят темные полосы.

Женщина тряхнула меня сильнее:

– Да опомнись же! Они ж вовсе не хотели драться. Это мразь, все на испуг... ты их чуть не убил!

Мои зубы лязгали так, что едва не откусил язык:

– Ж-ж-жаль...

– Что?

– Что не убил...

Ее лицо было бледное и встревоженное. Круглые глаза всматривались в меня, на миг стало не по себе, у женщины в каждом глазу по два зрачка, и все четыре даже при этом скудном свете не расширились, остались крохотными как следы от булавочных уколов.

– Вот ты каков, – сказала она уже спокойнее. – Ты... не совсем из этого мира.

– Ты тоже, – огрызнулся я.

Она насторожилась:

– Почему так думаешь?

– Современная бы в самом деле расслабилась, ну и...

По ее губам скользнула слабая улыбка:

– Я в самом деле... скажем, провинциалка. Нравы вашего мира... гм... для меня слишком нервные. Но и ты, как зрю, не совсем из этого мира.

– Да, – согласился я. – Не совсем. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Разве? – спросила она загадочно. – Ты помог мне, а я в благодарность могу... если хочешь, конечно, отправить тебя в мир, который тебе больше понравится.

Что ж, и в провинции мог найтись воротила из бывших обкомовских работников, что купил с десятков дворцов на Сейшельских островах или на Багамах. Здесь его дочка вышла неосторожно погулять, я ей помог, вот он на недельку бы меня в благодарность... Не задумываясь, я сказал почти весело:

– Хочу!.. Но что для этого надо?

Она произнесла совсем тихо:

– Да ничего... кроме твоего желания. А оно есть, зрю...

С ясного ночного неба ударил гром. Ослепляюще блеснула молния. Я закрыл глаза, но и перед опущенными веками, как на фотоленке, остались эти крыши с изломанными водосточными трубами, фонарный столб с тусклыми часами, мальчишка под аркой с застывшей у самых губ баночкой пива...

ГЛАВА 2

В пятки снизу лягнуло. Колени слегка подогнулись, словно я спрыгнул со ступеньки. Разгибаясь, я инстинктивно прикрылся рукой от яркого солнца. Во все стороны распахнулся зеленый простор широкой лесной поляны. Я стоял как дурак, по колено в цветах, поляну окружают толстые деревья, за ними виднеются еще и еще. Воздух странно свеж и чист, словно здесь только что прошел теплый летний дождь.

Я в лесу был всего дважды в жизни, друзья-идиоты затащили на так называемую вылазку в подмосковный лес. Никогда не забуду чувства дискомфорта в диком месте, где под ногами вместо привычного асфальта прогибающееся месиво из прошлогодних перепрелых листьев, по стволам деревьев ползает всякая дрянь, скребя лапами, на каждом листке пресмыкается что-то голое и противное, а то и вовсе отвратительно мохнатое.

Но этот лес странно прекрасен и чист, словно его успели подготовить к визиту президента. Стволы толстые, с чистой, словно вылепленной руками скульптора рельефной корой, ветви высоко, красиво изогнутые. Листья успокаивающе шевелятся под движением теплого воздуха от земли, а сама земля сухая и твердая. По ней чуть двигаются взад-вперед яркие ажурные пятна солнечных лучей.

На дальний край поляны падает широкий столб солнечного света, и в середине этого сверкающего луча переступает с ноги на ногу... огромный белый конь!

Внезапно всполошенно закричали птицы. Я уже слышал их некоторое время, но, слишком потрясенный, не обращал внимания на вопли, только краешком сознания отмечал, что здесь еще и пернатые, но сейчас по телу пробежала дрожь, я напрягся, ибо это не просто птичий гам, а крики на что-то или кого-то, что ломится через кусты, чересчур огромное, чтобы напасть и заклевать...

Я инстинктивно оглянулся, конь далеко, да это и не троллейбус, я только в него умею запрыгивать в последний момент, а треск приближался. Кусты распахнулись, прямо на меня вылетели двое оборванных мужиков, злых и с перекошенными лицами. В руках длинные ножи, которыми разделявают рыбу.

– Вот он! – закричал один.

– Наконец-то! – выдохнул другой. – Как хорошо... он не успел... меч...

– Только бы не дать... до корчмы...

Они бросились на меня, застывшего и перепуганного до свинячьего визга, до обморока, на самом же деле я драться не умею и не люблю, только в кино сладострастно сжимал кулаки да представлял, как изничтожаю, а то нападение, из-за которого я здесь, вообще что-то нелепое...

Оба уже были передо мною, когда я, вспомнив кое-что из инструкций для беззащитных девушек, внезапно скорчил страшное лицо, это называется ошеломление, затем приготовился пронзительно завизжать...

Но нападавшие и так отшатнулись от моей гримасы. Я тут же пугливо ткнул одного кулаком в лицо, почему-то боли в руке даже не ощутил, зато нападавшего отшвырнуло обратно в кусты. Второй замахнулся ножом, я заверещал, но голос мой сорвался на какой-то страшный рев. Несчастный пугливо замер, я ударил наотмашь, а сам повернулся и стремглав бросился к коню.

Конь повернул голову в мою сторону, в пасти зеленая ветка, челюсти равномерно двигаются, хруст, ветка медленно исчезает в мощной пасти, словно ее рывками подает лентопотяжный механизм. Я едва не помчался к спасительному седлу, вон даже поводья висят приглашающе, но все же вспомнил, что на коне ездить не умею... Сзади почудился свист летящего ножа, я в страхе оглянулся.

Один из нападавших недвижим на месте, а второй, зависнув в кустах, барахтается, как раздавленное животное. Вместо лица кровавая маска, красные струи текут обильно, оставляя на грязной рубашке широкие алые следы. На моих глазах он с трудом перевернулся, на четвереньках уполз в кусты. Ветки двигались, указывая, что торопливо удаляется по прямой.

Я невольно опустил взгляд на свой кулак. Размером с детскую голову, тяжелый, как валун, на суставах желтые мозоли. Да и вся рука втрое толще моей, чудовишно вздута мышцами, перевита толстыми жилами. Запястье плотно охватывает широкий железный браслет, с внутренней стороны толще, там широкая щель. В желудке стало холодно и пусто, когда я понял, что сюда надо ловить лезвие падающего мне на голову меча, потом некий поворот, рывок, и вот уже меч вывернут из пальцев нападающего...

Со страхом и изумлением, все еще дрожа и судорожно всхлипывая, я оглядел себя, одновременно пугливо поглядывая и на второго нападавшего. Он застонал и начал шевелить руками. Разбитые губы превратились в кровавую кашу, из уголка рта текла кровь.

Так вот какой мир... ведьма с двумя зрачками имела в виду! Перенесаясь из столицы в этот лес, я ко всему еще стал выше ростом, в плечах шире, грудь бугрится выпуклыми пластинами мускулов, широкими, как лопаты для уборки снега. Я обнажен до пояса, для меня непривычно: и на пляже стеснялся стаскивать рубашку, на самом деле у меня выпуклая не грудь, а спина, а грудь так и вовсе вогнутая.

С недоверием пощупал плоский живот, расчерченный на тугие валики мышц. Дальше широкий пояс, весь металлический, на пряжке странный знак, пояс держит брюки странного покроя, а ноги в странноватых сапогах с короткими голенищами.

Руки мои толстые, длинные, все в чудовищных буграх мускулов. Неудивительно, что те двое так и рухнули под моими вообще-то хилыми ударами. Широкие стальные браслеты на кистях, еще два красиво и вызывающе охватывают бицепсы, а когда мои пальцы поднялись ко лбу, кончики уперлись в полосу металла, придерживающего на лбу волосы. Длинные, как у хиппака, падают на плечи, щекоча кожу, густые и пушистые, с запахом мощного шампуня, чистые до скрипа.

Второй оборванец перевернулся и, как и первый, на четвереньках уполз в кусты. Острые лопатки под лохмотьями двигались, явно страшился, что я догоню и напинаю. Оба ножа остались на земле. Я проследил, как ветви колышутся все дальше и дальше, с облегчением засмеялся. Голос мой прогремел сильно и звеняще, словно зов боевой трубы.

Вообще-то, как всякий интеллигент, я ненавижу этих тупых качков, с удовольствием пересказываю анекдоты об их тупости, сила – уму могила, но сейчас мое тело смотрится неплохо, неплохо...

Я напряг и распустил мышцы, любясь, как двигаются под кожей эти теннисные мячи. Сама кожа, потемневшая от солнца до цвета бронзы, выглядит не только здоровой, но и крепкой. Куда там микробу прокусить, такую не всякая стрела... если на излете, конечно.

Слева в лесу широкая просека, я взглянул туда и... застыл. Огромное солнце, впятеро больше нашего, опускается к горизонту со скоростью тонущего корабля. Небо полыхает пурпуром, чистым и всех оттенков, до самого темного. Горизонт так далеко, что я сразу с недобрый холодком по спине ощутил, насколько велик этот мир.

Далеко на холме, за лесом и за полем, что за лесом, блещет, как электрическая дуга, причудливый замок. Остроконечные башни уперлись в пылающее небо. Крыши горят оранжевым настолько ярко, что я прищурился и потерял глаза. Ощущение такое, словно золото крыш расплавилось и стекает по стенам.

В десятке шагов ручей. На той стороне шевелит могучими ветвями огромный раскидистый дуб, а под ним все так же переступает с ноги на ногу массивный конь. Спина коня покрыта попой, больше похожей на персидский ковер, сверху седло, напоминающее велосипедное,

только побольше, помассивнее. Конь ко мне боком, я хорошо рассмотрел с этой стороны свисающие ремни, железное стремя.

Над россыпью конских каштанов весело снуют, звеня жестяными крыльями, большие зеленые мухи. В солнечных лучах поблескивают как драгоценные камешки, исчезают на миг в тени, снова возникают словно из ниоткуда. Переступая через один каштан, я наступил на другой, и мухи взвились злобным гудящим роем. Я невольно отшатнулся, начал отмахиваться, и мухи наконец решили, что, пока они дерутся, другие пируют за их спинами, вернулись, а я зашел с другой стороны, стараясь не спугнуть коня.

За седлом приторочен мешок, чем-то смахивающий на небольшой рюкзак. На луку седла небрежно наброшен широкий ремень, но от чего у меня застучало сердце, так это рукоять длинного меча, что гордо торчит из длинных ножен!

Еще не зная, чего ждать от коня, это ж не велосипед, осторожно коснулся длинной рукояти меча. Ножны деревянные, простые, обтянутые кожей, но сам клинок, как я ошутил по рукояти, явно из лучших сортов дамасской стали.

Задержав дыхание, я осторожно потащил меч из ножен. Дыхание прервалось, ибо лезвие выползло строго серо-голубое, со странным узором вдоль клинка, по металлу бегали мелкие колючие искорки, исчезали внутри булатной полосы, выпрыгивали в другом месте.

Наконец меч покинул ножны, моя рука под действием тяжести пошла было вниз, но я напряг мышцы, вскинул, чувствуя, что для меня нынешнего эта полоса металла вовсе не тяжесть.

Рукоять лежала в ладони, словно ее делали по моей руке. И хотя длинновато, но это же двуручный рыцарский! Однако две мои ладони не уместятся, я ж не рыцарь, они мелковаты перед нами, варварами, а я здесь наверняка то, что принято называть просто варварами...

Круги мечом получались красивые, размашистые. Меня не уносило следом, поворачивал легко, и я понял, что значит насточертевшее выражение «хорошо сбалансированный меч».

Мышцы играли, я чувствовал, как перекачиваются шары на груди, плечах. В ладони была приятная тяжесть, простая и смертоносная. Я перебросил из ладони в ладонь. Поймал легко, почти на рефlekсах, так раньше ловил только брошенное мне яблоко... нет, яблоко иногда ронял, а рукоять этого меча словно сразу влипает в мою широкую твердую ладонь.

Ноги чуть шире, чем на ширине плеч, воздух шелестит как под ударами крыльев ветряной мельницы, мышцы приятно разогрелись, и вдруг мои руки закрутили мечом в таком немислимом пируэте, что захрустели суставы.

Приятно изумленный, я наконец опустил этот двуручный, поцеловал холодное лезвие, пальцы мои умело и уверенно бросили его в ножны. Лезвие скользнуло в узкую щель, щелкнуло, наружу теперь торчала только крестообразная рукоять.

Я смотрел в синеющую даль, только кончики пальцев все еще бережно гладили шероховатую шишку на рукояти. Во мне что-то происходило, и я смутно чувствовал, что изменения идут от моего меча. И от моих глыб мускулов.

Конь смотрел спокойно и, как мне показалось, с иронией. Седло, понятно, на него садятся, а со стремяем надо разобраться. Я слишком начитался в детстве жутких сцен, когда обезумевший конь волочит раненого седока, не успевшего выдернуть ногу из стремени, стесывает головой героя все камни, кочки, пни, а домой приволакивает только ногу в хорошо сохранившемся сапоге.

Впрочем, это стремя хоть и напоминает велосипедное, но намного проще. Когда-то я купил велосипед «Турист», восьмискоростной, гоночный, а раз так, то педали там оказались настолько хитрые, что я долго не мог понять, как туда вообще ногу вставить, а уж вытащить так и вовсе не пытался, проехал круг во дворике, упал, и уже лежа кое-как расцепил защелки.

С той поры не пользовался, я ж не рвусь в профи, а здесь проще, те же педали, только пошире, вот даже пара продольных железок, чтобы не соскальзывали сапоги...

Я поочередно задрал подошвы, такие же подковки, со стременами полное сцепление. Кто-то позаботился экипировать меня вплоть до таких мелочей.

– Ладно, – сказал я и сам удивился, как мощно и властно прозвучал мой вообще-то блеющий голос, – ты мой конь! А я твой хозяин. А если и не хозяин, то всадник. Верно?

В моем голосе был металл, в то же время звучал хрипловато, как боевой рог, зовущий на битву. В нем я сам ощутил звериную мужскую силу, и, похоже, конь ощутил тоже. Он переступил с ноги на ногу, копыта хрустнули, как у подагрика, но потом я понял, что хрустнул камень, на который конь оперся копытом.

Взявшись за широкие ремни на его шее, я вдел ногу в стремя. Конь повернул голову и внимательно следил, как я сажусь. Раздраженный, не люблю, когда на меня смотрят, если делаю что-то впервые, я напрягся, с силой оттолкнулся от земли, одновременно дернув себя кверху.

Стремя качнулось в сторону, я едва не сверзился, раздираемый надвое, ударился грудью о седло, но все-таки с огромным усилием втащил себя наверх. Седло скрипнуло, я уловил запах свежей кожи. Да и упряжь пахнет так, словно ее только что сшили, приклепали эти железные бляшки, пустили золотую нить узора.

Конь снова переступил с копыта на копыто. Я сидел неподвижно, затем попробовал качнуться вправо, влево, откинулся назад. Да, удержаться на неподвижном коне все-таки можно. Туша подо мной качнулась, земля там, далеко внизу, поползла назад. Конские ноги двигались неспешно, я приободрился, сведенная судорогой спина наконец чуть расслабилась.

Дорога пошла, извиваясь как ползущая змейка, вверх по холму. По бокам ровно шелестели кудрявые деревья, красивые, чем-то знакомые, но я, дитя города, к стыду своему знаю только березу и елку, а все остальное – просто деревья. Впрочем, еще отличу пальмы, но здесь не березы, не елки, не пальмы. Да черт с ними, просто деревья. Варвару не обязательно знать ботанику.

Деревья расступились как широкий занавес. На стыке ровного изумрудно-зеленого поля и синего неба высился город, похожий на один исполинский замок. Во все стороны от его высокой крепостной стены шло ровное зеленое поле, не обезображенное ни оврагами, ни холмами, ровное, как бильярдный стол, обтянутый зеленым сукном.

Солнце медленно сползло к закату, подсвечивало здания и крыши со спины. Шпили горят оранжевым, я видел крохотные переходы, что протянулись от башенки к башенке, крыши темно-красные, явно черепица, стены из серого камня...

Конь пошел быстрее, тугие мышцы перекачивались под моими коленями. Конь был силен и свеж, словно только что проснулся, пофыркивал, остроконечные, как у эльфа, уши подрагивали, перехватывая все шорохи, а красиво вырезанные ноздри жадно раздувались.

ГЛАВА 3

Город приближался, я уже мог рассмотреть во всех подробностях множество башенок, узорных крыш и в то же время охватывал главный замок одним взглядом, насколько позволяла крепостная стена.

Земля сухо гремела под конскими копытами. Ветер уже не свистел в ушах, оведал лицо ласково, трепал волосы. Ворота близились, массивные, в широких полосах тусклой бронзы.

Когда я начал придерживать коня, ворота натужно заскрипели. Створки раздвигались с неспешностью сытой перловицы. За воротами мне почудилась абсолютная тьма, но затем на незримой линии ворот появились цветные пятна, словно выступили из небытия.

Конь остановился как высеченный из скалы. Я выпрямился, плечи пошли в стороны, чуть отодвинулись, а грудь с треском выдалась вперед. Массивные грудные мышцы были тяжелые, как плиты из гранита, и широкие, как щиты. Я чувствовал, как в лучах заходящего солнца горят мои браслеты как на кистях, так и на бицепсах, а широкий обруч на лбу явно полыхает расплавленным металлом.

Цветные пятна, то ли знатные люди, то ли жрецы, словом, презренные – горожане, все в настолько пышных одеждах, тяжелых и вычурных, что я ощутил презрение и жалость к этим несчастным жертвам цивилизации. Старшина, бургомистр или кто он здесь, словом, мэр, выступил вперед, подпрыгнул, поскакал, церемонно помахал шляпой и лишь потом низко раскланялся:

– Мы рады видеть в нашем королевстве странствующего героя. Назови свое имя, отважный, и отдохни под нашим кровом.

Я вскинул в приветствии руку, краем глаза косясь на красивую игру мышц предплечья, а бицепсы – ну словно под кожей надули баскетбольный мяч. Голос мой грянул красиво и мужественно:

– Привет! Меня зовут... Странствующий Варвар... э-э... по имени Рагнармир. Да-да, Рагнармир. Я воспользуюсь вашим гостеприимством.

Конь мой фыркнул, пошел в ворота, заставив мэра отпрыгнуть, чтобы не попасть под копыта. Но я заметил, что все встречающие, как и сам мэр, приятно ошеломлены, словно я должен был послать их, а то и огреть плетью, а потом ввалиться с грязными сапогами в спальню правителя, рухнуть на устланное тончайшими покрывалами ложе и велеть его невинной дочери ублажать всю ночь.

Вообще-то, я варвар, мелькнула мысль. Ну ладно, пусть я буду культурный варвар. Нет, это чересчур, просто образованный. Культурный – уже не варвар, а образованный, так хоть трижды академик, все равно варвар от тмени и до конских бабок, а то и вовсе до подков.

Из цветных пятен выдвинулся другой, высокий и худой мужчина в широком халате, до пят весь в звездах и кометах, на голове остроконечный колпак тоже в хвостатых звездах, глаза темные, цепкие, хотя лицо мучнисто-белое, как у вампира или сороконожки, всю жизнь пролежавшей под камнем и не видавшей солнца. Я не сразу понял, что он стар, как столетняя щука, на спине которой вырастает мох.

Он заговорил скрипучим старческим голосом:

– Приветствую, великий герой... конечно же, великий. Я великий маг королевства Бударрам. Зовут меня Тертуллиус. Позволь узнать, как ты прибыл сюда?

Я смутно удивился такому вопросу, пробормотал:

– Да какая-то женщина...

– Старая, молодая? – спросил великий маг чуть быстрее, чем следовало бы великому и немолодому человеку.

Я развел руками, заодно показывая мускулы и попутно любясь ими сам:

- Скорее молодая, чем старая. Хотя на вид еще та дама... Но теперь тренажеры, то да се...
– Толстая или худая? Прошу вас, ответьте с той же скоростью, с какой владеете мечом!

В чем одета?

Сбитый с толку, слишком уж все вокруг выказывают волнительность, я пояснил:

– Худющая, как облезлая кошка на помойке фонда благотворительности... Но грудь высока, а ноги растут прямо от зубов... А одета... гм... ну, что все носят у нас. То, что у нас идет на галстуки, а у них – на юбки.

Великий маг повернулся к другому, невысокому и молодому, в таком же халате и колпаке, что почтительно стоял за спиной и держал в руках толстую книгу:

– Ясно... Куцелий, найти и повесить!

Молодой маг повел бровью. В толпу метнулись сразу двое. Я, все еще удивляясь, что так легко понимаю чужой язык, поинтересовался:

– А может, не стоит так женщину?.. Это мне все можно, а у вас цивилизация, у вас права человека...

Старый маг сказал строго:

– Нам за державу обидно. И сохранять ее должны... от всяких. Ладно, великий герой! Лучшие люди сего славного града вышли приветствовать тебя, выказать почтение твоим подвигам... э-э... нынешним и будущим! Позволь пригласить тебя, великий варвар, на челе которого я зрю отчетливо знаки как великой доблести, так и великой, гм, мудрости... пригласить в замок на ужин к королеве!

Последние слова он провозгласил громко и возвышенно. Народ рухнул на колени, даже знатные люди преклонили одно колено, на ногах остались только великий маг Тертуллиус, его помощник Куцелий да еще самый старый житель города, который то ли был туг на оба уха, то ли страшился рассыпаться в пыль от неосторожного движения.

– К королеве? – переспросил я. Огляделся с высоты седла, внезапно вспомнил двух оборванцев. По спине побежали по-варварски крупные мурашки, чуть не сгинул, вспомнил их стремление не допустить до какой-то корчмы: – Да неловко как-то вот так сразу. Да и до ужина еще далековато... А где ваша корчма?

Я видел, как в наступившей тишине одни переглядываются, другие опускают очи долу, третьи злорадно скалят зубы. Старый маг вперил в меня острый взгляд. Я чувствовал, как мою толстую кожу, продубленную всеми ветрами, зноем и морозом, сверлит нечто, словно тифозный микроб размером с крупного муравья. Инстинктивно напряг мышцы, тело стало твердым, как ствол старого доброго дуба, а кожа натянулась и застыла упругим панцирем.

На лице старика отразилось разочарование. Грудь его опала, он показался еще старше, а голос прозвучал глухо:

– Кор... корчма?

– Ну да, – подтвердил я. – Стоит ли сразу к королеве? Надо дать ей время одеться. Или раздеться, не знаю ваши обычаи.

Старый маг внезапно метнул острый взор. Я еще не успел расслабить мышцы, по коже чиркнуло, как крылом летучей мыши, однако лицо мое оставалось, как у строителя коммунизма на старом плакате, и глаза мага погасли. Голос дрогнул и закачался как висячий мостик под сапогом варвара:

– Королева... м-м... в крайнем случае, королеву можно немного подождать. В зале ожидания вас развлекут танцовщицы...

Мне показалось, что в глазах второго мага, который помоложе, мелькнуло предостережение. Он все так же прижимал к груди толстенный фолиант, в луче света блеснул краешек позеленевшей медной крышки с выдавленными письменами. Его глаза следили за мной неотрывно и немигающе.

Я выпрямился горделиво, грудь моя стала шире и тверже Авзацких гор, на ней можно было выравнивать гвозди.

– Варвары не ждут, – изрек я. – Варвары – люди!

Лицо молодого мага оставалось бесстрастным, как погребальная маска, но старый маг всплеснул руками. С широких рукавов сорвались шипящие искры, образовали вокруг него широкий, быстро гаснущий круг.

– Она там, – сказал он осевшим голосом, бесцветным, как он сам, – ... на окраине...

– На окраине? – удивился я. – Я думал, корчму ставят на перекрестках главных дорог.

Он повторил так же нехотя и с усилием:

– На окраине... С той стороны приходят неведомые... Ну, гномы, великаны, существа...

– Существа?

– Да. Странные. Наша цивилизация... вообще всякая цивилизация, как мы ее понимаем, кончается на той корчме. Как раз посередине. Лучше бы уж ей быть по эту или по ту сторону. Тогда бы понятно, как с нею... Тебе, доблестный герой, все же стоило бы в любом случае сперва посетить королевский замок! Такому герою там будут рады.

Я поколебался, все-таки у меня высшее образование, но, с другой стороны, всажен в такое великолепное тело с такими мускулами, что плевать даже на докторскую. При моих кулаках любой неприятный мне диспут так быстро оборвется в мою пользу, что любой умник согласится с некоторыми преимуществами варварства. Очень весомыми, кстати.

– Приду, – пообещал я, ибо герою, да еще варвару надлежит говорить коротко. – Но прежде – корчма!

Конь радостно ржанул, пошел бодрее. Судя по его хитрой морде, дорогу туда знает.

Небо горело и плавилось под тяжестью огромного багрового шара. Впятеро крупнее нашего солнца, оно продавливало быстро вскипающий голубой хрусталь небесного купола, как раскаленный утюг продавливал бы блистающую глыбу льда. Багровые потеки ползли широкими струями, поджигали далекий темный лес. Вершины уже вспыхнули алым, но громада леса выглядела темнее женского греха.

Дорога повела меня через город вдоль ряда аккуратных домов, красивых и ухоженных, к северным воротам. Там стражи выглядели помрачнее, оружия на них побольше, а сама стена была в оспинах от ударов таранами, тяжелых глыб из баллист и катапульт, в черных потеках застывшей смолы.

Стражам явно не хотелось отворять ворота, но посмотрели на меня, засопели, один вытаскивал, упираясь в скобы подошвами, длинный засов, другой навалился на створки ворот. Я сидел в седле надменный, как жаба после дождя, раздувал грудь пошире, а когда стало невтерпез показать мышцы, закинул руку за голову и, вздувая мышцы предплечья и груди, поправил обруч, заодно любовно коснувшись рукояти меча.

За воротами дул холодный и злой ветер. Корчма возвышалась в двух полетах стрелы, я хорошо видел открытые ворота, туда въезжали на повозках и верхом. Из закопченной трубы поднимался ровными кольцами синий дым, на трубе виднелись темные комья, явно вороны, а на крыше пламенело нечто красное, как окровавленный клочок мяса, даже шевелилось. Не сразу понял, что это освещенное багровыми лучами заходящего красного гиганта гнездо аиста с самим хозяином гнезда.

Навстречу мне двое горожан, явно супруги, одетые очень прилично, тащили волоком упирающегося подростка. Тот орал, ревел, размазывая слезы, жалко оглядывался на удаляющуюся корчму. Сзади шел третий, одежкой и ликом похожий на волокомого, злорадно пинал в задницу и приговаривал:

– Тебе ж сказала маменька... ы-ых!.. что в такое место приличным... ы-ых!.. нельзя, мать твою...

Родитель оглянулся в ужасе:

– Ромуальдик!.. Разве можно такие ужасные слова?.. Где ты услышал?

– Мимо корчмы проходил, – нашелся тот. Пнул младшего брата в зад, добавил злорадно: – И вот от него, дорогие мои родители!

– Ужас, – пролепетал потрясенный родитель. – Ужас! Такой приличный ребенок!.. Из хорошей семьи... и чтоб в корчму? Будто нет башни из слоновой кости, где ведутся неспешные беседы о форме ушей эльфов и значении аккордов лютни Сауроура!

Чадо, которому выкручивали руки, перестало реветь и брыкаться, волоклось уже суровое и насупленное. Ворот был разорван, открывая чересчур широкую для ребенка из приличной семьи грудь, под глазом растекался кровоподтек, что опять же говорило о мятежности духа, могущей привести либо на мостик пиратского корабля, либо на пост мэра города. Глаза блестели упорством, челюсти упорно сжаты.

Наши глаза на миг встретились. Я подмигнул, подросток просветлел, а все окружающее, напротив, померкло, скукожилось и стало серым, как пыль на мудрых книгах.

За воротами был широкий двор с колодцем посередине, длинным корытом и просторной коновязью под стенами приземистого сарая. Массивный ворот скрипел, цепь быстро наматывалась на бревно. Двое молодцев торопливо подхватывали широкую бадью, вода плескала им на ноги. Ее быстро выливали в корыто, цепь начинала освобожденно разматываться, унося бадью на дно колодца.

У коновязи с десятков коней, отроки суетятся, подвязывают к мордам сумки с овсом. Неспроста, мелькнуло у меня в голове. Можно бы отвести в ясли, покормить и напоить, пока хозяин насыщается... Но даже седел не снимают!

Я слез с коня, бросил поводья в лицо набежавшего подростка. Надеюсь, я правильно все сделал, так в американских фильмах бросают ключ от «Кадиллака».

Когда направился к крыльцу, дверь с треском распахнулась. Из красного, как горящая печь, зева вылетел в клубах дыма мелкий грязный человек, красиво растопырив руки и с диким воплем.

Вместо плавного полета, как я почему-то ожидал, он грохнулся о ступени и скатился кубарем, оставляя по всему крыльцу кровавые сопли и слюни. Я брезгливо обошел сторонкой. Дверь еще дрожала, ударившись о стенку.

В лицо шархнул мощный запах жареного мяса с луком и чесноком, аромат тонкого вина и местного пива, а также запах немых тел. Я шагнул в горячий воздух, красный от сполохов пламени, как от огромного очага, откуда багровые языки пытаются достать балки под сводом, так и от россыпей крупных, как валуны, рубиновых углей, светящихся изнутри, как драгоценные камни, что заполнили широкий, словно Темза, камин.

Рядом с камином расположился очаг из неотесанных глыб. Целые стволы дубов догорали там и на моих глазах рассыпались на пурпурные глыбы. Дальше вдоль стены тянулся ряд закопченных жаровен. Из чадающего пламени тяжелыми волнами расплавленной смолы тек запах подгорающего мяса. Свод тонул в туче дыма. Под дальней стеной на таких же полыхающих жаровнях тоже шипели и шкварчали широкие ломти мяса, я слышал пронзительное шипение, а на огромном вертеле над россыпью углей медленно поворачивали целого быка.

Грудь моя шумно и до треска ребер вздулась, с удовольствием вбирая этот горячий воздух, кровь сразу разогрелась до вскипания. В корчме гремел морской прибой человеческих голосов, прорезаемый только пьяными воплями, песнями, изредка звоном посуды. За широкими столами веселились крупные мужчины, одетые большей частью бедно, но я сразу заметил на их поясах дорогие ножи, некоторые сидели с широкими кожаными перевязями через плечо, а из-за спин выглядывали длинные рукояти непростых мечей.

За ближайшим от меня широким и длинным столом расположилась самая многочисленная компания. Среди них был даже эльф, но не тот, о форме ушей которых спорят эстеты, у него и уши не то порванные, не то обгрызенные, а сам с такой разбойничьей рожей и вороватыми глазами, что я невольно пробежал пальцами вдоль пояса, где обычно носят кошель.

С торца стола насыщались два гиганта, а пили едва ли не бочонками, утробно взрывывали, утирались рукавами, пьяно братались, рычали один на другого, а из-под верхних губ выглядывали хоть и желтые, но длинные и острые клыки. Справа и слева мрачно тянули пиво угрюмые существа, челюсти выдвинуты вперед, как у немецких рыцарей, лбы не шире моего мизинца, под массивными надбровными уступами можно прятаться от дождя. Глубоко запавшие глаза горят ярко-красным, а лица покрыты серой шерстью, как у видавших виды горилл.

Я осматривался с оторопью, пока не напомнил себе, что это корчма варваров, а варвары не утруждают себя созданием высоких технологий: римские доспехи, как и половецкие малахай, мощные пластинчатые луки персов или длинные кельтские мечи – это все захвачено в набегах, выменено на пленных патрициев, потому на оборванце в дырявых сапогах пояс с настоящими золотыми бляшками, а меч, что торчит из-за правого плеча, из лучшей дамасской стали.

ГЛАВА 4

Пробравшись к столу со свободным местечком, я перенес ноги через лавку, сел, положив руки на столешницу и расставив локти. Напротив угрюмый бородач оторвался от кружки с пивом, его черные глаза уставились на меня с пьяной недоброжелательностью. Справа темной глыбой нависал над краем стола панцирный нечеловек, весь в роговых пластинках, только глаза как раскаленные уголья, с которых ветром смахнуло пепел, да красные вывернутые ноздри трепещут подобно щупальцам актинии на охоте. Перед ним исходил ароматным паром бараний бок с кашей, я сразу для себя назвал этого едока Собакевичем.

– Вы, надеюсь, – сказал я вежливо, но голос мой прогремел, как раскаты грома, – не против, что я сел к вам?

От стола шли мощные волны запахов жареного мяса, печеной птицы, рыбы, посреди задрал ноги зажаренный целиком на вертеле молодой олень. Из столовых приборов были только широкие медные кубки, ни дурацких тупых ножей, ни вилок, все можно хватать руками, и я, взвеселившись, тут же цапнул со стола могучего гуся, с хрустом отломил толстую ногу. Коричневая корочка трещала и ломалась, как мелкие льдинки, сладкий сок потек по пальцам, пятная стол.

Я с рычанием вгрызся в лапу, нежное мясо тает во рту, запах щекочет ноздри, но успевал подхватывать языком струи сока, что побежали до локтей, здесь это оценят как хорошие манеры.

Мои соседи справа и слева наблюдали в тупом молчании, потом я услышал вздох, за столами задвигались, послышался стук ножей, даже у магов они торчали из-за поясов, негромкое чавканье.

Нечеловек, который слева от бородача, шумно грыз огромную берцовую кость. Зубы как мельничьи жернова, костяные пластинки размером с крышки портсигаров, треск напоминал выстрелы из АКМ, красноватый мозг выбрызгивался узкими струйками, но длинный язык молниеносно подхватывал, не давая упасть на стол ни капле.

– Гр-р-р... – ответил он вместо проигнорировавшего меня бородача.

– Что? – переспросил я.

– Гр-р-р-р!..

– Э, не понял... – сказал я уже строже.

Он прожевал, выплюнул осколки костей на середину стола, острые, как наконечники стрел, прорычал:

– Садись... гр-р-р... да заказывай! Какое исчо приглашение?.. Только помалкивай сперва.

Я не успел спросить, почему надо помалкивать, когда везде говорят наперебой, поют, спорят, ругаются, как от двери донесся шум, крики, злая брань. Завсегдатаи ухватили за шиворот мелкого злобного человечка с крысиным лицом, кто-то съездил по харе, дюжие руки поволокли к дверям, пинком распахнули. Я успел увидеть, как от мощного пинка бедолага вылетел сизым голубем, вслед швырнули его шляпу и слетевший ботинок.

Тут же из клубов дыма и пара появилась удивительно красивая женщина с красными, как пламя, волосами, брезгливо вытерла тряпкой грязь, что осталась за выброшенным. Я удивился, что в корчме чисто, хотя народу много, но грязь занес только этот с неприятным лицом и раздраженными воплями.

– Что там?

– Да так... Один все рвется к нам, – ответил бородач хмуро. – Сколько ни выбрасывают, а он все лезет! Его петух лягнул в детстве, потому такой ушибленный. Еще три корчмы в городе, а ему надо только к нам!..

Я огляделся по сторонам. За столами пили, ели и оралы песни герои, бродяги, контрабандисты, искатели приключений, бахвалились подвигами и сокровищами, пропивали вчистую, темные личности продавали карты с указанием следующего острова сокровищ, обещали указать кладовки Монтесумы и библиотеку Айвена Лютого.

Нечеловек взял другую кость, а бородач ответил за него с пьяной благожелательностью:

– Понятно почему?

– Не совсем, – признался я.

– Явился один шибко грамотный, – объяснил бородач. – Из тех, которые уверены, что только они едят сено, остальные – солому. Начал: слушай сюда, я научу правильному богу молиться. Себе, понятно. Ну его и... Все равно рвется сюды.

Я кивнул:

– Ага... Не, я ж варвар! Мне бы пограбить кого... да не человека, их ворье грабит, а цивилизацию! Это если к примеру. На худой конец, культуру.

Он оживился, в глазах блеснул некоторый интерес:

– Это понятно. Культура всегда беднее.

Нечеловек прорычал:

– Витим! Что ты говоришь? Про культуру такие слова вообще говорить недопустимо. Про нее только: высокая, богатая, развитая, духовно обогащенная... Помнишь, кто-то сказал, что у племени тутси... ну, которые еще в пещерах, культура недостаточно высока, его тут же закидали камнями?... То-то. Ладно, не забивай голову мужественному герою-варвару. Он только что прибыл, ему бы подвиги, а ты – культура! Видишь, его рука уже тянется к мечу...

Бородач, ничуть не обидевшись, усмехнулся в бороду:

– Прости, ты прав. Лады! Приветствуем тебя, доблестный и неустрашимый герой с железными мускулами. Меня зовут Витим Большая Чаша. А этого вот – Большеногий, хотя было бы правильнее – Большелапый. А ты кто?

– Варвар, – сообщил я с понятной гордостью. – Странствующий между мирами. По имени... по имени Рагнармир.

– Хорошее имя, – одобрил бородач, который Большая Чаша. – Простое, без выкрутасов. Что пьешь?

– Все, что горит, – сообщил я, – и что не горит тоже. Но я сам закажу. Ваша хозяйка... Черт! Какие у нее зеленые глаза!

Я ощутил, как на меня уставились глаза с обеих сторон стола, а он длиной с литовскую фамилию, вдоль которой можно смотреть, как на железнодорожное полотно, что уходит и уходит вдаль, нигде не кончаясь, а в далекой дымке рельсы вроде бы даже смыкаются. Пирующие даже перестали жевать, кружки с пивом опустились на стол.

Я уже ощутил, куда вонзятся их зубы, когти, шипы, ударят рога и шипастые хвосты, когда наконец бородач хмыкнул и сказал с благожелательным предостережением:

– Пить-есть заказывай, а про глаза... не знаю, не знаю. Лучше не рискуй.

– А что, обидится? – удивился я. – Да никакая женщина...

Он снизил голос до шепота:

– Это если женщина.

У меня вырвалось невольное:

– Ого! А кто она?

– Никто не знает. Видно только, что она... умная.

Я удивился:

– Ну и что?... Ах да, женщина либо красивая, либо умная? Ну здесь, как я заметил, все женщины красивые.

Он кивнул:

– В том-то и дело. А эта... К тому же с нею что-то нечисто. Ее, говорят, видели сразу в разных местах! К тому же она хозяйка корчмы и в то же время хозяйка... не только, не только! Своими руками сложила вон ту башню, а потом и весь замок, сама построила крепость в городе, а уже потом засе-лила...

В окно за высокой городской стеной вздымалась к небу отвесная гора замка, вертикальные пики сторожевых башен. Даже отсюда чувствовалась нечеловеческая мощь строителей, сумевших укладывать целые скалы одна на одну, как пирожки, подгонять, стесывать неровности, так что громада замка выглядит как сплошная гранитная гора, созданная в первый день творения.

Я ощутил холодок на сердце. Уже трезвея, посмотрел в сторону стойки, от которой суетливо разбежались челядинцы. Хозяйка корчмы стояла с горделиво выпрямленной спиной, рыжие волосы красиво подсвечены сзади солнцем, хотя какое солнце в дымной корчме, зеленые глаза смотрят насмешливо...

По спине пробежала холодная ящерица. Зеленые глаза неуловимо быстро превратились в невинно-голубые, поблестали искорками, словно выбирая оттенки, затем пришла сплошная синева, густая и вызывающе яркая.

– Это еще не все, – пробормотал бородач, его странно черные глаза, совсем без зрачков, следили за женщиной с красными волосами, но вдруг уронил взор, поспешно потянулся за пивной кружкой.

Я поднял глаза на хозяйку корчмы. За стойкой ее не было, а в следующее мгновение она с неспешной грацией подходила к нашему столу, возникнув из синего дыма.

Ее внимательные глаза, ставшие почти лиловыми, заглянули мне, казалось, во внутренности. Красиво вырезанные губы изогнулись в улыбке, но в голосе звенело веселое предостережение:

– Добро пожаловать, герой!.. Но позволь сразу ма-а-ахонький совет...

Я поклонился:

– От такой женщины... да хоть чашу с ядом!

– Ты предпочтешь чашу с ядом, – сказала она уже без улыбки, – если заденешь моих гостей. Хоть тут драка не затихает, но, если явится наглец, вздумавший устанавливать свои порядки, ему никто не позавидует. Здесь нет, естественно, равных тебе героев, но все вместе они перевернут мир без особой натуги! И нет бога или героя, который бы выстоял... Словом, отдыхай, но, если хочешь присоединиться к разговору, сперва послушай, о чем говорят. А теперь, что предпочитаешь? Есть пиво, хмельной мед, эль, сагаска, энсуки...

Я вскинул обе ладони:

– Сдаюсь! Мне – пива. А сорт... На ваш выбор. Или что посоветует этот лохматый.

По ее смеющимся глазам понял, что тон взял верный. А бородач Витим сказал повеселевшим голосом:

– Ты угадал, я по пиву здесь первый. Тогда еще по темному артанскому всем! А новичку и кубок вина из Куявии.

Когда хозяйка исчезла, я сказал, глядя ей вслед:

– Фу, как гора с плеч. Красивая, но почему у меня мурашки по спине размером с черепах?..

– Красота – страшная сила, – сообщил бородач. – Верно, Большеног?

По проходу между столами, задевая сидящих, тихохонько прошел согнутый человек в темном плаще, капюшон надвинут на глаза, прошел к соседнему столу со свободным стулом, смиренно сел и подозвал отрока. Я сидел близко, но посетитель заказывал шепотом, я только и успел услышать что-то про славянскую медовуху, тут же три чудища с той стороны стола прервали злую перебранку, уставились подозрительными глазками, у одного их оказалось три,

один зарычал, у другого ногти на глазах превратились в длинные, как ножи, когти, а третий протянул через стол невообразимо длинную волосатую лапу:

– Гр-р-р-р!.. Мер-р-р-рзавец!..

С нашего стола, опрокинув лавки с завопившим бородачом, вскочили Большеног и Витим. Новоприбывшего ухватили мощными дланями, мигом сорвав плащ и капюшон. Я только на миг успел увидеть все того же озлобленного мужичонку с крысиным лицом, тут же кулак размером с его голову с чмоканьем влип в его лицо, я видел только мохнатые и чешуйчатые спины Большенога и Витима, у Большенога в щелях между пластинками в районе лопаток пробивались, как у ангелочка, крылышки. Правда, темные, и не в перьях, а кожистые, с тонкой просвечивающейся пленкой.

Несчастливого уволокли к дверям, на ходу пиная ногами. Витим, ругаясь, как варвар, поднял лавку и плюхнулся всем весом, раздраженный почище футбольного болельщика на концерте Рихтера.

Я сидел так, что уголками глаз наблюдал за столами справа и слева, но, когда за соседним столом на одного человека стало больше, я только протер глаза, посмотрел на кубок с вином. Глюки, за тем столом беседа идет так, словно все пьют уже суток трое.

Над головой качнулся воздух, волосы растрепало. За соседним столом мужик успел пригнуться. Табуретка грохнулась о стену. Обломки посыпались на пол, на стол к нам упала щепка. Бородач, не отрывая толстых губ от кружки с пивом, щелчком сбросил ее на пол, кивнул:

– Зря это...

– Что? – поинтересовался я.

За три стола отсюда человек пять лупили друг друга табуретками, стульями, бодались, лягались, хвостались. Стоял треск, я слышал бухающие удары, чавк, хлопанье и сиплое дыхание, что обрывалось резко, будто кулак... или шипастый хвост вышибал все внутренности.

– Стулья, – сказал Витим презрительно. – А то и вовсе – креслы! Тьфу!.. То ли дело – лавка. Старая добрая лавка. Ее и не поднять такому хиляку... вишь, стулом размахался, ерой?.. Зато уж если поднимешь, то как пойдешь махать, как пойдешь...

Лицо его стало мечтательным, глаза умильно закатились под лоб. Я невольно пощупал лавку, на которой сидел: добротная, дубовая, на тяжелых колодах вместо ножек, а в длину для полдюжины широких мужчин. Если такой махнуть по корчме...

Неуловимо быстрое движение привлекло мое внимание. За столиком слева народу уже оказалось вдвое больше. Черт, неужели это чертово пиво что-то делает с моими глазами? Один из прибывших еще не успел снять плащ, на пол сбегала вода, а когда откинул на спину капюшон, я увидел веселое и злое лицо, рыжеватые волосы. Прибывший плотоядно потер ладони. На столе тут же появился узкогорлый кувшин.

Витим, поймав мой взгляд, сказал вполголоса:

– Иные так спешат в корчму, что прямо сразу из своих нор... Ну, кто с высоких гор, кто из леса, кто из песков! Наловчились, прыгуны чертовы...

Я все с тревогой посматривал на жадно пожирающего сушеную рыбу прыгуна. Быстрые хищные пальцы драли чешую так, что та летела серебристыми блесками как конфетти из хлопушки. В чаше пузыристая пена как поднялась пышной шапкой, так и застыла в ожидании.

– Как сразу?

– Да так вот. Минуя порог. И даже не зрят на красивый город, что обижает хозяйку корчмы. Она ж не только здесь хозяйка! Стараются, украшает город, а им все по... гм... словом, нажраться бы поскорее да в морду, да в рыло!

За столом заорали, я услышал мощный звон, с которым столкнулись исполинские кубки, размером с те, которые вручают что-то поднявшим, где-то пробежавшим или куда-то прыгнувшим.

От двери снова был шум, возмущенный крик. Я видел, как кому-то надавали по шее, вытолкали. Похоже, это прорывался все тот же, самый умный и замечательный, который хотел, чтобы в корчме жили по его правилам. А может, и другой, ведь, как известно, это доброе и разумное надо сеять, а потом еще и окучивать... знать бы, что это такое, а вот дурни и без всякого окучивания как из-под земли прут целыми толпами.

За столом слева, куда явился, миная городские врата, рыжий, пили и спорили странствующего вида не то дервиши, не то... словом, суфии. У одного на выцветшем плаще уцелело изображение хищных крыльев, у другого – странного животного, смутно знакомого, но настолько все стерлось, что я только подумал, что оба не то из разных философских школ, либо с разных континентов.

Мне показалось, что увлеченно философствуют о законах мироздания, но когда один вдруг вскипел: «Ах, на трех слонах?», вскочил и так умело попал кулаком в челюсть оппоненту, посмевавшему придерживаться устаревшей теории черепахистости, что я засомневался в его природном философском даре.

Второй отшатнулся от удара, глаза его налились кровью, как у лося весной, он утробно взревел и, если бы третий не удержал стол, опрокинул бы на слониста. Я сжался в комок, дрались люто, свирепо, кровь брызгала алыми струями, слышались чавкающие удары, буханье, треск костей, а потом как-то разом остановились, люто глядя друг на друга все еще бешеными глазами. Один сказал сдавленным от ярости голосом:

– Впрочем... переход на личности – это не самый подходящий аргумент...

Кровь перестала хлестать из перебитого носа, только срывалась с подбородка багровыми тягучими каплями, а волосы на груди стали рыжими от крови. Второй облизал окровавленные костяшки пальцев, там свисали красные лохмотья сорванной кожи размером с крылья летучей мыши:

– Согласен... Прошу меня простить, это я начал...

Ссадины мгновенно исчезли под натиском молодой розовой кожи. У его противника распухший нос с торчащими наружу окровавленными хрящами принял благородный греческий вид, а пятна крови бесследно испарились.

– Нет-нет, – возразил первый, его грудь тяжело вздымалась, – вы только ответили, это я допустил недостойный выпад!

Порванный плащ... уже целый, красиво ниспадал с его плеч, на нем появились и заблестели золотые пуговицы, явно оборванные еще в прошлых дискуссиях о Высоком.

– В ответ на мое... – покачал головой второй философ, – не совсем корректное замечание... Прошу меня простить и позвольте мне самому налить вам...

– Что вы, что вы, да как можно! Позвольте лучше я!

– Позвольте вам не позволить...

Третий откинулся на спинку кресла и насмешливо наблюдал, как рыжий и второй, какого-то кенгурячьего оттенка, с поклонами наливают друг другу в кубки, из которых пристало бы поить коней, а не философов. Впрочем, странствующие могут пить, как верблюды, про запас. От их столика теперь несло свежим воздухом, как бывает после короткой летней грозы, а оба философа выглядели поздоровевшими и посвежевшими.

Витим горестно вздохнул:

– Все бы споры так разрешались!

– Магия? – спросил я тихонько.

– Да, – ответил он так же тихо. – Самая высокая магия – суметь сказать: «Простите, я был не прав!»

Большеног проговорил тоскливо:

– Да, это заклятие сразу обезоруживает противника и лечит раны... Но как немногие могут выговорить...

В углу расвирепевший молодой мужик разбойничьего вида прижал к стене другого и яростно лупил. Я слышал только глухие удары. Избиваемый что-то вопил, что и он тоже, что его не так поняли, что он из своих, только немножко другой.

Витим, уловив мой взгляд, буркнул равнодушно:

– Да это тот... ну, который ненавидит, лупит чересчур хороброго... Не отвлекайся, не отвлекайся! Так, говоришь, звали на королевскую службу?

Я насторожился:

– Разве я такое говорил?

Бородач отмахнулся:

– Нет, но это же понятно. Посмотри на себя! Тебе в самый раз стать во главе королевских войск. Будешь мечом и щитом от натиска варварских орд. Потом, понятно, переворот, ты режешь местного короля в постели, как барана, берешь власть в свои руки.

Я поморщился:

– Почему так?

– А так всегда делается, – объяснил он. – Думаешь, местный король родился здесь? Нет, он однажды въехал в ворота этого града на большом белом жеребце. За его плечами была рукоять длинного двуручного меча, на луке седла с одной стороны свисал мощный составной лук, колчан со стрелами и тула с запасными тетивами и наконечниками, а с другой – боевой топор, пара дротиков и швыряльные ножи...

ГЛАВА 5

Кто-то похлопал меня по колену. Я скосил глаза вниз, но вместо страшной рожи гнома наткнулся на совсем жуткую морду огромной рыжей собаки с печально повисшими ушами. Она неотрывно смотрела на кость с остатками мяса в моей руке, потом с усилием перевела тяжелый, как двухпудовая гирия взор на меня. Ее толстая когтистая лапа поднялась, снова похлопала по колену.

– Ах да, – спохватился я, – заплати налоги и спи спокойно... Держи!

Она схватила кость, та сразу хрустнула и брызнула в мощных челюстях. Глаза собаки чуть потеплели, она даже вильнула толстым, как обрезок колбасы, обрубок хвоста и умчалась, подсвеченная красным огнем жаровен.

Других собак не было, что мне показалось странным, ведь в корчме даже удалые песни не заглушали мощный чавк работающих челюстей, а кости с остатками мяса сыпались под стол, как майские хрущи в теплый вечер.

Бородач перехватил мой взгляд:

– Здесь только одна собака. Хозяйки!

– Мысли читаешь, что ли? – спросил я с неудовольствием.

– Могу, – сообщил бородач усмешливо. – Только зачем трудиться? На твоём медном лбу, дружище, все крупными буквами! Даже не буквами, их еще знать надо, а пиктограммами.

– Ого, – сказал я. – Ну, если для тебя буквы в диковину, а только пиктограммы... Ладно, не будем ссориться. Мне здесь нравится и вовсе не хочется, чтоб как этого...

...Они пили, орали песни, звучно шлепали широкими, как лопасти весел, ладонями по спинам друг друга. Не глядя, я мог по звуку определить, когда шлепают по выделанной коже тура, когда по миланской кольчуге, когда по голой потной спине, тогда шлепок особенно смачный, сочный.

Краем глаза я видел скользнувшую в приоткрытую дверь женскую фигуру. Не оглядываясь, женщина быстро пошла между столами, словно зная здесь все и заранее выбрав место. Я бы не обратил на нее внимания, тем более что широкий длинный плащ скрывал ее фигуру и лицо, капюшон надвинут так низко, что она явно видит только пол под ногами, но женщины в корчме вроде бы в редкость, и я не спускал с нее глаз, потом по спине пробежали гадкие мурашки.

За этой женщиной тянулась цепь грязных следов. Изумленный, я оглянулся, но пол был чист, как бывает чист паркет, ежесекундно натираемый сотнями подошв, грязные же следы остаются только за этой женщиной!

Она смиренно села через три стола от нашего. Я видел – гуляки напротив обратили на нее внимание, один растянул губы в благодушной улыбке, что-то сказал, явно спрашивал, что ей налить или заказать. Женщина покачала головой. Гуляки переглянулись, один вскинул брови, повторил вопрос громче. Женщина все ниже опускала голову, пряча лицо.

Уже все гуляки за тем столом смотрели на нее серьезно и вопрошающе. Лица посерьезнели. Я услышал, как один сказал достаточно громко, что в корчме даже глухие и немые могут разговаривать, здесь никакие заклятия... Дальше я не расслышал, но гуляки стали переглядываться, посерьезнели.

Женщина, прижатая к стене, шепотом произнесла заказ, так я понял, потому что слов не расслышал в гаме и песнях, а тут еще над головой пролетел табурет, брошенный мощно, но неприцельно.

Гуляки отпрыгнули, кто-то с бранью выскочил из-за стола, опрокинув лавку с остальными. Из рта женщины на стол плюхались толстые жабы, ящерицы, пауки, разбегались по столешнице, забирались в тарелки с мясом и кашей.

Кто-то, опомнившись, ухватил женщину за ворот. Капюшон упал на плечи, я увидел бледное желчное лицо крысомордого. Глаза у него сидели у переносицы так близко, что даже мне засвербило выбить их одним пальцем.

Бородач повернулся, толстая шея побагровела от усилий, скручиваясь, проследил за моим взглядом. Крысомордого шумно тащили к выходу. На этот раз за шиворот держал лесной человек, мохнатый, как медведь, и длиннорукий, как горилла. Следом шли два хохочущих гнома и срывали с крысомордого остатки женской одежды. Крысомордый вопил, гном подпрыгивал и потрясал париком с длинными роскошными волосами.

– Извените, – кричал крысомордый, – извените, но вы сами меня обозвали!..

Бородач скривился, будто хватил уксуса:

– У этой дряни совсем нет мужского достоинства. Выбросили бы меня – разве пришел бы еще? А этому плюй в глаза...

Перед лесным человеком с его жертвой хохочущие гуляки услужливо распахнули дверь. Он поставил крысомордого на ноги, волосатая нога замедленно пошла назад, затем звучно хлопнуло, будто широкой лопатой со всего размаха ударили по мокрой глине. В раскрытой двери на миг мелькнуло стыдно белое тело, растопыренные ноги, донесся удаляющийся истошный визг.

Дверь со смехом и шуточками захлопнули, разряженные гуляки хлопали по плечам лесного, обнимались, восторгались мощным ударом – даже мощнее, чем в прошлый раз! – тащили за свой стол выпить и побахвалиться победами в бою, воровстве и поединках с бабами.

Запах жареного мяса кружил голову. Я чувствовал, как горячая кровь с шумом течет по венам, бурлит на сгибах, прошибает плотины в черепе. Челюсти перемалывали жареное мясо, во рту начался пожар, я спешно заливал холодным пенистым пивом, а пиво требовало вдогонку соленой рыбы, а также круто посоленного и посыпанного перцем мяса. Передо мной рос забор из костей, а когда меня похлопали по колену, я уже не глядя бросил этому чудищу кости, они с жутким хрустом исчезли в страшной, красной как вход в адскую печь, пасти.

Когда пес убежал, я видел, что по его пути исчезают все кости под столами на длину рыцарского копья.

Дверь распахнулась, на пороге на фоне крупных звезд возник силуэт крепко сбитого человека. Он шагнул вперед, свет факелов пал на его лицо и фигуру, а дверь со стуком захлопнулась за его спиной. Это был совсем еще молодой воин с решительным лицом, почти подросток. Побитые доспехи топорщились, как плавники рыбы, на плече темнели коричневые пятна засохшей крови. Пальцы правой руки перебирали рукояти двух швыряльных ножей на поясе, а правой прижимал к груди широкую чашу желтого цвета.

На него оглядывались с интересом, а он деревянными шагами, пошатываясь от усталости, прошагал к столу, за которым спорили философы, он отгреб блюда и чаши, проливая красное вино на дубовую поверхность, золотая чаша бухнулась широким основанием перед мудрецами.

Мне показалось, что она доверху заполнена пельменями. Рыжий мудрец потянулся к чаше носом, принюхался, отпрянул. В глазах было отвращение. Второй, который постарше, потянул носом, крылья ноздрей подрагивали, с интересом поковырялся в чаше указательным пальцем. В глазах было насмешливое любопытство. Спросил замедленно:

– Так-так... И что это?

Воин переступил с ноги на ногу. Голос был серым от усталости:

– Но вы же сами...

– Что?

– Ну, я слышал... Диспут про уши... Эти, которые у эльфов. Я, правда, не понял, какие эльфы нужны, горные или лесные, но на всякий случай побывал везде, а на обратном пути заглянул еще и к озерным...

Мудрецы переглянулись. Рыжий с безразличностью отвел взор от чаши. Масса, которую я принял сперва за покрытые нежною шерсткой пельмени, медленно проседала, утопая в мутной жидкости, где виднелись как алые струи, так и водянисто-зеленые и даже голубоватые.

– Вот так нас понимает простой народ, – вздохнул старший. – А вы говорите, нести философию в массы... Да ты садись, герой, садись! Ты сделал все правильно... в меру своего понимания. Налейте ему!.. И побольше мяса. Говяжьего или свинины, такие не могут без пожирания плоти себе подобных.

Второй философ, помоложе и задорно рыжеволосый, все еще не отрывал колеблющегося взора от чаши:

– Да-да, как вы правы! Как глубоко правы. Идея, брошенная в массы... Какая приземленность! Какое примитивное истолкование сложнейших иносказаний!.. Кстати, раз уж уши все равно здесь, не сопоставить ли ушные раковины лесных эльфов и горных... так сказать, приложив одно к другому?

Первый отшатнулся, на лице отразилось неподдельное отвращение:

– Как вы можете?... Такой вульгаризм... Такая профанация... Я просто не подберу слов! Мы ведь сложнейшие истины вызнаем духовными изысканиями, внутренним взором проникая... да-да, проникая!.. А вы, вместо изысканного теоретического обоснования, вот так просто сложить уши – все? Значит, теоретики этому миру не нужны, если можно вот так...

Воин, приглашенный несколько необычно, присел за их столик, перед ним поставили деревянное блюдо с ломтями жареного мяса. Он ухватил дрожащими от голода пальцами, но почтительный взор не отрывался от философов-логиков, где, как во всяком строго логическом споре, пошел процесс, именуемый «слово за слово», оба покраснелись, вскипели, наконец старший, выведенный неверными логическими построениями более молодого коллеги, без замаха хрястнул ему в лоб некрупным, но крепким, как обух топора, кулаком.

Звук был такой, словно ударили в чугунный котел. Молодой вытаращил глаза, но его кулаки уже сами по себе обрушили град ударов на оппонента. Тот быстрыми движениями раскачивался из стороны в сторону, принимая удары на локти, плечи, блокировал предплечьем, а его рифленые кастеты кулаков стремительно выстреливались навстречу, часто пробивая оборону рыжего. Я слышал сильное прерывистое дыхание, стук костей по костям, шлепки, с которыми падающие с высокой горы валуны падают то в сырую глину, то на твердую землю.

Я прижался к столу, почти лег на свое блюдо. Философы в поисках истины иногда задевали мою спину, завтра будут кровоподтеки размером с это блюдо, терпеливо выжидал, но сзади шло скрупулезное уточнение точек зрения, бородач и Большеног обнялись и затянули хриплую песню каждый на своем языке. Мясо под носом пахло одуряюще, корочка лопнула, капелька сока брызнула мне на кончик носа. Приятно обожгла. Я ухватил зубами, начал есть, как коза траву, не отрывая головы от стола, как вдруг сзади внезапно утихло.

Я осторожно повернул голову, не выпуская изо рта куска мяса. Старший философ замер с кулаком в замахе, в красных горящих адским огнем глазах посветлело, затем они стали небесно-голубыми и чистыми. Длинные, как у вепря, клыки начали укорачиваться, шерсть с лица осыпалась, открывая мудрое, усталое от мыслей, слегка скорбное лицо.

– Э-э... что это мы? – спросил он неверящим голосом. – Похоже, опять несколько отвлеклись в сторону?

Младший облизал разбитые в кровь губы, толстые, как жареные ляжки кабана на блюде, вздрогнул, когти на пальцах стыдливо укоротились до ногтей. Правда, толстых и крепких с виду, как спины галапагосских черепах.

– Да, – ответил он несколько колеблющимся голосом. – Мы ведь в поисках истины... А в поисках истины человеку свойственно ушибаться... Уф... Иногда очень сильно...

– Как хорошо, что с нами... уф-уф... этого... не случается...

– Да-да, – подтвердил младший с облегчением, – мы ж из старой школы строгой логики... А в логике умелые логические построения, слово за слово, всегда приводят к истине... Пусть даже весьма тернистой...

Старший скромно улыбнулся, в его руках уже оказалось куриное крылышко, и он его деликатно обкусывал по краям, оттопырив мизинцы и демонстрируя безукоризненные манеры. Возраст, а с ним и явная толстокожесть в поисках истины сказались в том, что пальцы не дрожали, а смаковали умело зажаренное крыло с явным удовольствием.

ГЛАВА 6

Мои глаза упрямо поворачивались влево. Чтобы не окосеть окончательно, я наконец развернулся, бросил взгляд на дальний столик, где сидели две женщины. Молодые, красивые, с развитыми фигурами. Одеждой им служило нечто очень похожее на доспехи хоккеистов, одетые на голое, очень женственное тело.

Бородач Витим гыгыкнул, я с неудовольствием повернулся. Его черные глаза насмешливо щурились:

– Ну как, герой?.. Птицы твоей стаи.

– Герои стаями не ходят, – ответил я с достоинством. – Они... тоже здесь... э-э... оттягиваются?

Он задумался, покатые плечи сдвинулись с неспешностью движения звезд.

– Пока непонятно. То ли в самом деле, то ли поглазеть на здешних... Здесь у нас разные! Даже очень разные. Не все ворье, не все... Колдуны, маги и принцы косяками ходят. Но сам Творец не различит, кто из них кто.

Большеног грубо пробасил:

– Да и не всегда пришедший принцем уходит... энтим же принцем.

– Как это? – спросил я невольно.

– Да так... Смотришь, явились разбойники, пьют ну совсем как славяне... ну, понятно, как пьют!.. А после пьянки расходятся либо совсем трезвыми магами, либо принцами. А то и вовсе черт-те чем. Как и эти женщины...

Он внезапно умолк, голова его втянулась в плечи, а спина чуть сгорбилась. Первый пил тоже молча. Я повернулся, взглянул на женщин. Мне почудилось или нет, но на кратчайший миг сквозь облик одной из них словно бы проглянул мужчина со злым лицом и глубоко запавшими глазами. Видение тут же исчезло, женщина зазывно смеялась, показывая белые мелкие зубки и алый зовущий рот. Ее доспехи, не крупнее моего кулака, неведомыми путями держались на сочном нежном теле, скрепленные тонкими ремешками из сыромятной кожи, что только подчеркивало шелковистость кожи и ее уязвимость.

Я зябко повел плечами, начиная чувствовать, что в этой атмосфере безудержной пьянки, веселья, песен, ора идет и своя тайная жизнь, а жаркий воздух пропитан не только зовущим запахом жареного мяса и печеной рыбы, но и магией, у пола струятся потоки черной злобы и коварства, под невидимыми в клубах пара и дыма балками плавают возвышенные мечты суфиев, иногда по корчме проносится энергетический заряд вспыхнувшего спора.

Слегка насытившись, я уже начал ощущать некое шевеление не только внизу, но и в голове, крови теперь хватает на все с избытком, даже думать можно, довольно взрыгнул, заинтересовался:

– Слышь ты, лохматый... Как вообще-то я сюда попал?

Бородатый посмотрел искоса, он беседовал с другим, тоже бородатым, но степенным, пожившим, неспешным и благодушным, как бывает благодушен человек, много повидавший, разочарованный в человечестве, но не в отдельных людях.

– Вообще-то, меня зовут Большая Чаша, – напомнил он. – Если хочешь поссориться, только скажи. Даже мигни. Сразу получишь в лоб так, что твои эльфячьи уши отпадут.

Я пощупал уши, вроде бы все те же, ответил мирно:

– Да нет, я не хочу ссориться. Я варвар среди тех, кто встречал у ворот города, но среди этого... гм... люда я беленькая овечка. И пушистая. А логик из меня, как вижу, вовсе ни в дугу, ни в феодальную армию. Просто мне в самом деле хочется знать...

Его панцирный собеседник, похожий не то на кистеперую рыбу, не то на динозавра, сказал мирным ангельским голосочком:

– Не знаю, – ответил Витим, бычась. – Но чую!.. Я ж не логик тебе какой, у артистических натур чуйства главнее!.. И вот эти чуйства мне подсказывают... Неспроста, неспроста...

Большеног поморщился:

– Тебе везде эти протоколы мерещатся. Герои сами прут, заманивать не надо.

Я сказал насмешливо:

– Мне показалось, что здесь героям не очень-то рады.

Бородач сидел понурый, я уже ждал горящей слезы по их угасающей цивилизации, они все почему-то либо гниют, либо угасают и терпят катастрофы, но он пересилил себя – как же, еще один кувшин полон до половины! – ответил с пьяной обстоятельностью:

– Как вам сказать... Подвиги – это даже в чем-то и как-то прекрасно. Но количество Зла прямо пропорционально героизму. Проще говоря, чем больше героев, тем больше на наших благословенных землях нечисти. Словом, Зла. Когда однажды сюда почти перестали рушиться герои, что-то связанное у вас с новой волной, то, как ни странно, и нечисть как-то приуныла, сбляд... сблед... сбледнелась! Сбледнелничалась и почти растаяла. Все были веселы, сыты, распевали песни... Потому, как только из вашего мира к нам сваливается новый герой, мы все понимаем: где-то горят города и села, гнусная нечисть обижает людей, грабит их винные подвалы, бесчестит женщин, ворует курей... ну пусть кур, делает землю мертвой. Потому мы не столько горим жаждой очистить наш мир от нечисти с помощью героев, как заткнуть все дыры в ваш.

Крепкое вино вошло наконец в кровь, я чувствовал себя слегка захмелевшим, во всем теле мышцы отдыхали. Я спросил с интересом, все еще чувствуя себя как на спектакле, где если кого и будут бить, то не меня. А если и меня, то не всерьез:

– А что они выполняют... эти герои?

Бородач к моему удивлению задумался, развел руками:

– Честно говоря, не упомяну. Все их походы, приключения, опасности... одинаковые, как листья в лесу. Все с мечом в руке супротив Тьмы и Хаоса... да-да, это умному смешно, но ведь каждый в меру своей развитости, верно?.. Зачем-то для этого все провожают юную и прекрасную дочь князя, принцессу или, на худой конец, юную пастушку, которая на самом деле законная наследница великой империи... – он зевнул, смутился, продолжал: – Простите... Да не тебе, это Большеногу. Понимаю, баб-с для пикантности. Чтоб, значит, ночевали в лесу под одним плащом, то да се... Не все же одни схватки на мечах... А так схватка – под плащ, схватка – под плащ, схватка – под плащ...

Я вскинул брови:

– А зачем под плащ?

Он посмотрел на меня как на идиота, а Большеног, эта чертова обезьяна все знает, промычал:

– У нас еще остались женщины, что просят погасить свет.

– Только в отсталых селениях, – возразил Витим. – Словом, к концу подвига герой приводит эту принцессу к... гм... цели. Так они, герои энти, борются с Хаосом и Тьмой, попирают Вселенское Зло, Извечную Тьму, Сатану и так далее.

Он умолк, глаза прикипели к красной струйке, что поочередно падала в их пивные кружки. На обе бадьи вина не хватит, по кувшину зримо, а Большеног хоть и друг, но когда касаемо вина, особенно хорошего, то лучше за ним в оба, как-то надежнее.

У Большенога вырвался печальный вздох, мохнатые пальцы потрясли кувшин вверх дном. Сорвалась толстая, как виноградина, капля, он подхватил ее языком, а кувшин загремел под стол. Темно-красное вино в чашах пенилось, как – горячая, только что пролитая кровь. Витим с жадностью сунулся рылом, зачмокал довольно, Большеног тоже плямкал и довольно отдувался.

Я сказал озадаченно:

– Ни хрена себе борьба с Хаосом! Схватка – под плащ, схватка – под плащ... Это ж никаких плащей не напасешься, издерешь шпорами.

– А ты снимай сапоги, – посоветовал бородач.

– Герой в походе спит, не снимая сапог и не меняя портянок, – ответил я горделиво красивым мужественным голосом. – А что, если... ну, не такое стандартное?

Витим чуть приподнял морду от чаши, борода и усы слиплись и стали темно-красными, губы блестели, а язык ерзал, отлавливая даже молекулы. Дыхание его было все еще неровным, а когда восстановилось, он снова припал к чаше. Я видел, как его широкое лицо погружалось в чашу, но вино почему-то не выплескивалось.

Большеног, тоже со слипшейся шерстью на морде, отдышался, прорычал:

– А зачем тебе нестандартное? Все просто, накатано... Вон там на горизонте, если посмотреть из углового окна, видно, маячащие зубчатые края Черной Башни. Мерзавцы, за ночь построили! Явно к твоему приходу. Конечно же, злой маг. Добрый разве такое выстроит? Он свою магию тратит на добрые дела, на поиск Истины, возвышение души, а злой проводит время в лихих утехах, чревоугодии, сластолюбии, пьянстве, мер-р-рзавец...

Он вздохнул на этот раз непритворно. Я пробурчал с недоверием:

– Туда идти мне?

Витим посмотрел поверх чаши, снова нырнул, я слышал плеск и хлюпанье. Большеног с тоской посмотрел на свою пустую чашу, обвел взором пирующих, нет ли знакомых при полном кувшине, а когда его темные пещеры с горящими углями глаз остановились на мне, я уже видел невысказанное: чтобы я шел куда-нибудь на подвиги, только бы убрался из корчмы, отсюда дураков хоть и не гонят, но и не восхища-ются.

А Витим, тоже осушив чашу, как в них столько только влазит, перевел дух, вытерся тыльной стороной ладони и сказал убежденно:

– Конечно! Крепкий замок, охрана, драконы у ворот, рыцари Смерти во дворе, а в самой дальней комнате – сам маг. Конечно же, самый могучий противник. А ты придешь к схватке уже изнуренным, а то и раненным.

Я спросил с некоторой опаской:

– Раненным?

– Не опасно, конечно, – сказал он снисходительно. – Легкая рана, про нее скажешь небрежно: царапина, заживет мгновенно, оставив красивый шрам, при виде которого самая неприступная женщина взмокнет. Не в подмышках, конечно.

Я подозвал отрока, бросил ему золотую монету:

– Еще кувшин вина. И все, что здесь имеется к вину.

Отрок исчез и тут же возник снова уже с огромным кувшином. Лицо его побагровело от усилий, кувшин медленно сползал, сдирая ветхую рубашонку. Витим поспешно перехватил кувшин, пока тот не выскользнул из детских рученок, поймал мой кивок, сразу повеселел, разлил в три чаши.

– Будьмо, – сказал он непонятно.

– Чтоб нас доля не чуралась, – пояснил Большеног.

– Ага, – понял я, – за то, чтоб лучше в свете жилося. Да и не только мне! Вам двоим тоже. Эх, гулять так гулять! Пусть и всем корчмовцам залепшает.

За соседними столами кубки звякали звонче, вино плескалось через края на скатерть и одежду. Маги раскраснелись, голоса звучали громче. Кто-то обнимался, призывая забыть старые обиды, другой хохотал и рассказывал что-то явно смешное, в глазах было удивление, что его не слушают, но сам же в магячьей рассеянности не заметил, что рассказывает про себя.

Воздух стал еще тяжелее, пропитанный запахом вина, мужского пота и приближающейся благородной блевотины. Дальняя стена плавала как в тумане, лиц за ближайшим столом уже не различал в почти непрозрачном воздухе, и хотя топор было вешать еще рано, я ощутил

позыв выбраться из-за стола. Не тот позыв, что внизу живота, а где-то внутри груди, хотя там у варвара всего лишь крупное горячее сердце.

– Хороший был стол, – сказал я, поднимаясь. Тело мое слегка отяжелело, но мышцы требовали работы. – Но я не хотел бы засиживаться на пирах!

Витим кивнул уже почти по-дружески:

– Речь, достойная героя!

Большеног оглянулся на соседние столы:

– Сейчас философы начнут выяснять, сколько же эльфов на острие иглы... А лавки под обоими дубовые! Заденет ненароком... у нас и философия какая-то криворукая... Если такой лавкой по голове, то и «мама» забудешь. Только и останется, что с мечом в руке на дракона или на Великое Зло!

Но оба повеселели, потому что остаток кувшина разделят только на двоих. Мне показалось, что за моей спиной даже вскинули чаши и крикнули мне хвалу и здравицу, благо есть повод наполнить чаши по новой.

ГЛАВА 7

Дверь корчмы распахнулась прямо в страшное небо. Черный купол выгнулся круто, звезды собрались в россыпи, созвездия, их здесь в сотни раз больше, чем на Земле. Дрожь тряхнула тело, непонятный страх сразу протрезвил, а на заливке зашевелились волосы.

Грудь моя поднялась, я закашлялся от свежего ночного воздуха. Над головой бесшумно пронеслась огромная тень, волосы качнулись от ударной воздушной волны. Звезды на миг померкли, а затем я вздрогнул и похолодел от страшного зрелища: из-за темного края земли начал подниматься огромный, мертвенно бледный диск, изъеденный язвами, ядерными ударами, экологическими катастрофами, выжженный озоновыми дырами... Возможно, никаких ядерных ударов и не было, но у землянина моей эпохи такие язвы ассоциируются только с ядерными ударами, как у моего деда – с Тунгусскими метеоритами.

На той стороне двора у самых ворот колыхался красноватый свет факелов. Пятеро неподвижных мужчин разом колыхнулись и направились к крыльцу, где я стоял. Факелы в их руках шипели и пускали бенгальские огни, искры красивыми дугами падали и прикипали к темной земле багровыми точками.

Четверо молча поклонились, встали вокруг, освещая так, что, если какой дурак захочет швырнуть камнем, не промахнется, а я видел только лиловые пятна в чернильной тьме, пятый же проговорил внушительно:

– Доблестный Рагнармир?

Я подвигал лопатками, заново проверяя, не исчез ли меч за спиной. Пока пировал, настолько свыкся с этой приятной тяжестью, что сейчас ощутил бы себя голым без этой широкой перевязи и меча в по-варварски простых ножнах.

– Ну?

– Мы присланы сопровождать вас, доблестный герой, – сообщил пятый.

– А ты кто?

– Верховный церемониймейстер Брамдбембоус к вашим услугам, лорд!

– Ага... И куда сопровождать?

Он удивился:

– К королеве, понятно! Как же без королевы?

– Без королевы никуда, – согласился я.

Башни замка красиво и грозно вырисовывались на страшноватом звездном небе. Галактики и туманности сворачивались, как удавы, медленно вращались, оставляя за собой белесые следы, еще одна мертвая луна поднялась из-за края земли во всей жутковатой красе, пошла вверх, как баллон со смертельным газом. Темный край тут же заискрился электрической дугой, и, у меня волосы встали дыбом, сверкающим горбиком вздыбилось нечто еще более бледнее, мертвенное, страшноватое...

Третья луна, вдвое крупнее первых, поднималась тяжело и неспешно, тяжелая, как авианосец с полными трюмами. Первая уже взобралась на вершину небосвода и зависла над городом, заливая мир призрачным светом мертвяков и упырей.

Утоптанная земля незаметно сменилась бульжной дорогой, та привела к воротам замка, но еще раньше бульжники перешли в широкие, ровно подогнанные плиты из серого гранита. От прогретой за день стены веяло теплом. Темно-серые глыбы сцеплены одна с другой без цемента, все обтекаемо и сглажено, жук не взберется. Высоко вверху, чуть ли не на уровне звезд, звякало железо, мощно сопело. Там шумно чесались, икали, мне на голову, как падающие бревна, обрушились запахи чеснока, плохо прожаренного мяса и горелого лука.

Хриплый пропитой голос из-под темных облаков крикнул:

– Эй, кто там?..

Один из моих провожатых заорал зло:

– Разуй глаза, дурак!

Наверху погремело железом еще, потом ойкнуло, послышался топот, зазвенело чаще, словно по ступенькам катился бочонок, до половины наполненный медными деньгами, в ворота с той стороны бухнуло, там закрипело, грюкнуло, я почти видел, как тяжело выползает из двойных железных скоб толстый деревянный засов.

Массивные ворота отворились, как створки гигантской раковины. Ровный двор, расчерченный на ровные квадраты гранитных плит, освещала неземная луна, а также факелы в руках множества людей. Красноватый свет переливался на пластинах железных доспехов, чешуе кольчуг, блестел на шлемах, стрелял узкими лучиками с наконечников длинных копий.

Один из факельщиков сказал с низким поклоном:

– Сюда, доблестный герой!

Его рука прочертила по воздуху полукруг. На той стороне двора толстые стены замка показались мне отлитыми из цельного куска металлокерамики, темного и загадочного. Даже узкие окна-бойницы только с третьего этажа, свет на самом высоком, почти под крышей, там по занавесям прыгают, дико изламываясь на складках, огромные темные тени.

Мои сапоги при каждом шаге шумно высекали длинные красные искры. Подковки из закаленной стали, подумал я невольно, технология тут все же развита. Хотя бы на уровне княжеской кузницы.

Возле ворот замка мои провожатые почтительно остановились. Я понял, что от меня ждут каких-то телодвижений, церемонных жестов, но лишь фыркнул и так двинул ногой в дверь, что та распахнулась с треском. С той стороны послышался испуганный вопль.

Передо мной без всяких холлов, сеней и предбанников сразу открылся огромный, ярко освещенный зал. Я раскрыл рот и растопырил руки в немом восторге. Воздух был чист и прозрачен, как поцелуй тургеневского ребенка. Огромный купол выгнулся синим безоблачным небом, с зенита гроздью сталактитов свисала люстра с сотнями свечей, от нее падал чистый солнечный свет.

Стены по всему периметру опоясывала двойная цепь масляных светильников, ярких и украшенных с искусной замысловатостью. На той стороне зала блистал золотом и красными камнями трон с высокой спинкой, с обеих сторон трона застыли изысканно одетые люди, а на самом троне...

На троне неподвижно и царственно царил ангел. От сидевшей там женщины шел совсем уж немыслимо чистый свет. Пшеничного цвета волосы блистали и переливались, а на лбу, придерживая волосы, горел золотой обруч с голубой жемчужиной. Ее золотистые волосы слегка шевелились от взмахов широких опал, и ни одна подлая муха не смела опуститься на девственно чистое, безукоризненное лицо.

Под стенами зала с двух сторон стояли похожие на статуи, закованные в доспехи стражи. Отборная гвардия, каждая железка горит огнем, глазам больно, рослые и с широкими железными плечами, может быть, даже и не накладными. Возможно, их главное достоинство в том, что могут стоять неподвижно часами, не хрюкнут, не пукнут, но все же с виду ребята крепкие, крепкие...

Я глазел больше на них, чем на королеву, что понятно даже не обязательно варвару, а любому мужчине. Смотрел и чувствовал, что все равно я повыше и сильнее, а уж с мечом в руках двигаюсь втрое-впятеро быстрее любого из них. Даже будь совершенным неумехой, и тогда сумел бы увернуться от их ударов, но я знал, что этим двуручным мечом могу одной рукой вращать во всех направлениях, красиво и эффектно выписывать сложнейшие фигуры, перебрасывать из ладони в ладонь, всякий раз хватая точно за рукоять, и вообще встречать любой удар тройным ударом меча и ногой с разворота в челюсть.

Наконец я снова перевел взгляд на королеву, не зная, то ли преклонить колено, но это слишком по-рыцарски, то ли поклониться в пояс, но я вроде не боярин, а падение ниц с оттопыренной кверху задницей и прочие ритуальные жесты и пляски вовсе не рассматривал, стоял и глазел с отвисшей челюстью, а потом, спохватившись, наклонил голову так резко, что клацнули зубы.

По ее тонким, изящно вырезанным губам скользнула улыбка. Даже не улыбка, а только намек, но это осветило зал, как встающее солнце, стены и люди заискрились ярким праздничным цветом.

– Приветствую, доблестный варвар, – произнесла она ровным царственным голосом. В глазах ее блеснули утренние звезды, омытые ночной росой, лицо было неподвижно. – Ты прибыл весьма! Очень даже весьма. С востока к нашим границам подступили орды орков, а с юго-востока – нечестивых алков. Наши войска отступают под натиском превосходящих сил!.. Горят деревни, плачут вдовы, осиротевшие дети вздымают к небу тонкие детские ручки... Невинная слеза невинного ребенка...

Она остановилась, в прекрасных глазах было ожидание. Я понял, и хотя наслышан про эту слезинку еще от Достоевского, а у Ковалева так и вовсе она превратилась в стопудовую гирию, которую он швыряет на все весы, все же сказал с мужественным достоинством именно то, что от меня и ожидали:

– Мой меч – к твоим услугам, моя королева!..

Среди придворных пронесся вздох облегчения. Все задвигались, послышался мурмур голосов. Королева произнесла милостиво:

– В твоём распоряжении будет вся королевская армия. А также армии наших вассалов Нижних Мостов и Верхних Озер, а также вольные стрелки Оропутина и лесных массивов Шестодунгов!.. Кроме того, подвластные мне властители горных равнин приведут свою быстроногую конницу...

Зловредные мухи, которых так гнали от королевы, роем набросились на меня. Я скрипнул зубами, их гадкие лапы раздражали даже варварскую кожу, а меня, в чьем мире остались только дрозодилы для опытов, начало бесить.

Я вскинул руку, варвару можно прерывать хоть самого бога, и, перекрывая ропот этой разукрашено-павлинистой толпы, перебил:

– Великая королева!.. Ты еще и самая прекрасная на свете женщина, потому мне так трудно тебе не покориться сразу, целиком и со всеми потрохами. Но герои не ходят ни в стаде, ни даже в стае. Я приму управление армией, если припрет так, что, ну... словом, когда будет крайняя нужда. По нужде – это ж совсем другое дело! А сейчас я хочу повидать этот мир... просто так, с высоты седла.

Брови королевы приподнялись, коралловый ротик приоткрылся в безмерном удивлении. Она смотрела изумленными глазами. К ее розовому ушку наклонился старый советник, я видел его двигающиеся губы. Ее красивые брови слегка дрогнули, после паузы она медленно наклонила свою королевскую голову:

– У варваров свои странные понятия... Но мы стараемся уживаться со всеми. Позволь помочь тебе советом, и... тебе не помешает сменить оружие. Да и коня.

Мухи доводили до бешенства. Одна вовсе попыталась раздвинуть мне губы и влезть в рот. Я свирепо сдул, сказал сквозь зубы, чтобы не залезли другие:

– У меня прекрасный меч! И конь.

Она улыбнулась, а все в зале, даже стражи, заулыбались с таким чувством полнейшего превосходства, что я готов был прямо сейчас поставить их к стене, лицом к винтовкам расстрельного отряда.

– Ты увидишь настоящих коней, – пообещала она. – И настоящие мечи!

По ее хлопку в ладоши с той стороны зала открылась дверь. Один за другим вдвинулись немолодые мужчины. Один совершенно седой, сторбленный с длинной белой бородой до пояса, остальные ненамного моложе. Они степенно рассаживались за главным столом, но двое, которые вошли первыми, приблизились ко мне замедленно, торжественно. Старший смотрел с откровенным удовольствием, а второй, помоложе, держался так, словно от близости варвара у него начнут корчи.

– Меня зовут Тертуллиус, – сказал старший почтительно. – Я уже встречал тебя у ворот града. А это мой помощник, младший маг Куцелий.

– Странствующий варвар, – напомнил я на всякий случай, – по имени Рагнармир.

– Великий Воин по имени Рагнармир, – произнес Тертуллиус нараспев, – которого надо бы называть – Блистательный Рагнармир, Непобедимый Рагнармир...

– Тогда уж победоносный Рагнармир, – подсказал Куцелий.

Мне почудилось в его голосе ехидство, но Тертуллиус кивнул с довольным видом:

– Ты прав, мой ученик. Победоносный Рагнармир...

– Просто Рагнармир, – прервал я, чувствуя себя приятно и в то же время чуточку неловко, – когда-нибудь, потом... а пока что Рагнармир.

Великий маг поморщился:

– Твоя скромность уже чересчур... Мы-то видим, что ты – наша надежда и опора. Но если так хочешь, то любое твое слово – закон. Итак, доблестный Рагнармир, позволь показать тебе нечто интересное... С позволения королевы мы откланяемся.

Мы в самом деле поклонились королеве, стражи стукнули о пол рукоятями алебард, и мы втроем отбыли из королевских покоев.

Ночной двор был тих, мы прошли по самому краешку, затем пара крытых переходов, один висячий мостик, и перед нами распахнулись невысокие врата башни магов.

Уже в холле я ощутил себя уютно, как в деревне у бабушки, а затем меня провели, похоже, в помещение для магических изысканий, тоже уютное и старинное. В таком, по моему представлению, Менделеев открыл периодическую систему, Ломоносов – закон сохранения массы веществ, а Олеша прятал от строгого отца папиросы. Уютный старинный стол, заваленный рукописями и стопками толстых книг, стены в книжных полках до потолка, лишь одна оставлена для странной коллекции из пучков трав и корешков.

С потолка лился рассеянный свет, то ли светлячков набежало, как депутатов на халяву, то ли магия дальних звезд, во всяком случае, свет такой же звездно-светлячий, как в цехе по сборке «пентюхов» второго поколения. Старший маг Тертуллиус со вздохом облегчения повалился в широкое кресло, оно сразу закачалось с домашним скрипом. Куцелий сделал движение сесть на край стола, но покосился на старшего, развел руками:

– Мужчины рождаются для подвигов! Во всяком случае, в наш мир являются для подвигов точно! Мужики для тупой работы, а мужчины... Гм, что же вам подобрать?

Я украдкой оглядел себя. Мускулы сидят красиво, эффектно выпячивая могучую грудь, круглые, как шары швейцарского сыра, плечи масляно блестят под оранжевым светом факелов, каждая жилка готова вздуться канатом, пойти толстыми узлами в нужных местах, а стальные браслеты сверкают скромно и мужественно.

– Да вроде бы мне...

– Да мы не о мускулах, – поправил себя Куцелий поспешно.

– А что же?

– Я о подвигах, – пояснил Куцелий поспешно. – Волхвы волхвуют, коровы мычат, мужики пьют да по бабам, а мужчины рвутся... да-да, рвутся. А ты ведь герой, доблестный Рагнармир! Будешь пользоваться успехом! Особенно у простого народа. А у очень простого так и вовсе...

– Надеюсь, – признался я скромно.

– Ты ведь варвар, – сказал он, снова скользнув взглядом по моей мощной груди.

– Ну, вообще-то у меня высшее...

Куцелий порывался что-то сказать, но старший, явно страшась острого язычка помощника, прервал мягким интеллигентным голосом:

– Он хотел сказать, по складу характера варвар. Образование – это еще не... Словом, пока тупые маги спорят, как обустроить мир, как дать людям счастье, как соблюсти справедливость, доблестный варвар берет меч и идет устанавливать эту справедливость. Простому народу такое решение нравится! А то, что щепки летят, так каждый уверен, что щепка ударит не по нему... Итак, что у нас есть?

Куцелий суетливо положил перед ним толстую книгу размером с дверь. Толстая обложка поднялась сама, на меня пахнуло затхлостью, взвилась пыль веков. Страницы желтые, буквы странные, явно докириллица, что не на строке, а под строкой, как бы привязанные, подобно подвесным поездам.

Палец мага, сморщенный, как корень женьшеня, полз по странице, запинаясь на каждой строке. Голос становился все торжественнее:

– Дракон с золотыми крыльями в неведомом королевстве похитил прекрасную деву... Гм, пропустим. В соседнем с ним – дракон с алмазными крыльями похитил уже сотню благородных девиц... Ладно, ехать далеко. Ага, в королевстве Керейя дракон похитил принцессу... Это уже лучше... Что-то поглядеть не удастся... Ни портретов, ни описаний... Нет, уродиной быть не может, принцессы не бывают уродинами, но посмотрим что-то еще...

Я поинтересовался осторожно:

– Это вся книга о драконах?

– Вся, – ответил он с гордостью, – но если доблестный варвар пожелает...

Он провел над книгой дланью. Я отшатнулся, ибо книга неуловимо изменилась, латунный переплет стал медным, страницы пожелтели еще больше, а шрифт превратился, похоже, из докириллицы в доскифицу.

– А это что?

– Книга о зарытых сокровищах, – объяснил он торжественно.

Я спросил нерешительно, с не свойственной варвару рефлексией:

– Сокровища, конечно, неплохо. Но нет ли чего поблагороднее?

Тертуллиус удивленно вскинул брови. Мне почудилось, что он неуловимо быстро окинул меня с головы до ног прощупывающим взглядом. Что для варвара благороднее, как не сокровища?

– Над вами довлеют чужие мысли, – сказал он убежденно. – Не стыдитесь признаться, что все, что принято называть благородным, всего лишь... пар, дым, клочок тумана! Мужчины всегда дрались за женщин, власть, право первого кормления. А золото – это и власть, и женщины, и все-все!

– Да я тоже что-то слышал о Фрейде, – буркнул я. – Но все-таки...

– Ладно, – сказал он, его рука снова прошлась над книгой, меняя ее формат, объем, гарнитуру, интерлиньяж и даже сам материал страниц от высокосортной бумаги до расколотых табличек из камня, быстро минув пергамент, папирус и другие странные вещи, которых я просто не понял. – Но только вместе с сокровищами там и прекрасные женщины... Нет, не в ямах, не в могилках, а так... сопутствующие.

– Да я знаю, – согласился я. – Где деньги, там всегда женщины. А чем больше денег, тем они красивее.

– Настоящее здоровое поколение, – вставил Куцелий чересчур почтительно. – Это во времена моего деда было: чем больше вина – тем девка красивее и моложе... Учитель, а если герою просто в квест за предметом?

Тертуллиус задумался, а я переспросил:

– За... предметом?

– Да, – кивнул он. – За артефактом, если говорить проще, по-народному. Обычно какая-нибудь магическая вещь, созданная Древними, Первыми, Теми Самыми, Старшими Братьями... ну и так далее. Словом, раньше были маги, а теперь так себе, потому важно добыть вещь, созданную еще теми, первыми, их так и зовут с прописной буквы: Первыми, Древними, Теми... ага, это я говорил. Считается, что с помощью такой вещи можно победить зло... да не просто зло, а Зло. И принести людям счастье.

Я спросил с недоверием:

– А разве можно... вещь? Пусть и такой мощной?

Тертуллиус задумался, складки на лбу вздулись сытыми удавами, а молодой маг сказал высокопарно:

– Если герой так считает, то почему нет? Путь Меча, путь Силы... Конечно же, благородной и бескорыстной, направленной на благо простого народа. Так полагают герои, а вы ведь герой?

– Герой, – подтвердил я с готовностью.

Тертуллиус сказал, морщась:

– Это только в древние времена добро было Добром, а зло – Злом. Но мир усложняется, и Добро и Зло, соприкасаясь, создали некую сумеречную зону... Многие современные герои, отойдя от примитивной прямолинейности, предпочитают действовать в ней. Это раньше, когда люди жили предрассудками...

Куцелий вставил с превеликой почтительностью:

– Мой учитель смягчает правду. На самом деле, герои теперь предпочитают вообще действовать на стороне Зла. Открыто!

Старший маг скользнул взглядом по моей выпуклой мускулатуре, что перла из всех щелей. Мне на миг даже показалось, что в моей чудовищной мускулатуре есть что-то, чему не стоит так уж выпячиваться. Но это чувство тут же исчезло, ибо всяк мужчина завидует тому, у кого руки длиннее, а плечи шире. Даже если это маг, потому что и маг мужчина, только неудавшийся.

Куцелий сказал искательно:

– Может быть, все же подобрать что-нибудь не такое мудрое? А понятно всем и каждому? К примеру, завоевать себе королевство. У вас для этого есть все.

– Что? – спросил я тупо.

– Для завоевания королевства, – объяснил он, – нужно меч подлиннее да морду пошире. Меч у вас дай бог каждому, морда тоже. Если надо, меч можно удлинить еще. Удлинил же один ваш пророк доску? Правда, тому случаю есть и другие толкования... гм... О чем это я... Ах да, морду пошире тоже можно устроить.

ГЛАВА 8

– Не надо, – сказал я поспешно. – Морду не надо. В этом сезоне в моде узкомордые.

Я внезапно остро и ясно ощутил, что в моей широкой груди мощно бьется, прикрытое могучими глыбами мышц, сильное сердце, а кипящая кровь струится по жилам легко и свободно. Далеко-далеко, на грани слышимости, донесся звук боевого рога, хрипловатый и зовущий, и от этого звука сердце едва не разламывало хрупкую клетку изнутри, рвалось в неведомые дали, в бой, на подвиги...

– Я готов отправиться хоть на битву с чертом, – ответил я твердо. – Мне нужно... Черт, я даже не знаю, что мне нужно! Но не жалкие сокровища, это точно!

Тертуллиус с облегчением вздохнул. Возможно, он страшился, что я начну пьянствовать, лапать служанок и бесчинствовать, считая это тоже подвигами.

– Когда выступаете? – спросил он быстро.

– На рассвете, – ответил я, потому что так всегда отвечали герои. Возможно, маг просто ловил меня на слове, ведь герои в отличие от простых людей слова не нарушают, даже если дадут его козе. – На рассвете!.. Надеюсь, здесь не полярная ночь?

Тертуллиус довольно улыбался, а Куцелий сказал с великим облегчением:

– Тогда начнем вас готовить прямо сейчас. Конь у вас есть, оружие... тоже, но, если понадобится, только свистните! Что угодно. Мы хоть и маги, но многие из нас... Нет, магу драться на мечях недостойно, но так приятно снять меч со стены, подержать в руках, взмахнуть пару раз, потом примерить к руке боевой топор, кинжалы... Гм, о чем это я? Ах да, теперь остался последний пустячок. Вам нужно спутницу.

Я почувствовал, как горячая кровь приятно наполнила гениталии, там стало горячо и щекотно, ответил с некоторым смущением:

– Ну зачем же... Я, конечно, знаю, за римскими армиями всегда гнали стада овец, для половых нужд армии, как было написано в закупочных бумагах, но все же как же так сразу... Да и зачем мне, собственно, спутница? По дороге будет много разных... Так интереснее. А я никогда не... а сейчас, с такими мускулами, так и вовсе не завяну.

Он кивал, соглашался, в глазах было нетерпение, и когда я умолк, сказал терпеливо:

– Спутник нужен... э-э... больше для других целей. Раньше брали в спутники обычно мужчин... ну, Санчо Панса, лейтенант Грачик, доктор Ватсон, Энкиду, Арчер, Змеиный Супчик... Сперва герои предпочитали спутников поплюгавее, на их фоне мускулы и подвиги виднее, потом, когда пошел спрос на некое подобие мозгов, в спутники начали выбирать громил огромного роста и с чудовищной силой, но тупых и неповоротливых, дабы на их фоне ярче выделялась ловкость и элегантность героя. То было время, когда действовали мужчины, а женщины сидели у окошка и ждали. Ну, рыцарь спасет или во их имя добудет нечто к свадьбе...

– Неплохое было время.

– Да, – согласился Куцелий, – но пришло время раскрепощения. Сейчас нельзя без спутницы-женщины. Если же пойдете с мужчиной, о вас такое подумают...

– Что?

– Ну... то, чего раньше и подумать не могли. Вам это надо? Если вы, конечно, не...

– Я, конечно, не, – ответил я быстро. – Еще как не! Ладно... А одному нельзя?

Младший маг посмотрел на Тертуллиуса, тот легонько кивнул. Куцелий поклонился, попятился, едва не опрокинув стул, как можно незаметнее выскользнул в темный коридор. Старый маг, оставшись без молодого и язвительного, как-то померк, стал опасно отодвигаться, а голос стал старчески дребезжащим:

– Если, конечно, вы страдаете какими-то скрытыми пороками... хотя в нынешние времена это уже не пороки вовсе... Время такое! К тому же женщина может все, что и мужчина,

но и кое-что еще. Она может драться как мужчина, колдовать как маг, знать руды как гном, разбираться в травах как леший, но может и кое-что еще, чего не может мужчина...

Я съязвил:

– Но ведь современный мужчина теперь тоже способен на все, что делает женщина? Разве только не рожает?

Он осведомился с осторожностью:

– Но вы, как мне сперва показалось, не из таких?

– Нет, – сдался я, – хорошо, согласен на женщину.

Он уточнил:

– Вам прислать ее прямо сейчас... или же пусть нечаянно встретится по дороге? Вы можете спасти ее, вырвать из рук насильников или выхватить в самый последний миг из костра, где ее начнут жечь как ведьму. Можете убить дракона в тот миг, когда тот начнет сдирать с нее одежду, чтобы смогла показаться вам в своей девственно-соблазнительной наготы, но не по своей воле... Если у вас не найдется чем укрыть, то она так и пойдет с вами... э-э... цело-мудренно обнаженная.

Я подумал, но варвару не то что много, а вообще думать не положено, и я отмахнулся:

– Решу на месте.

Он спросил дрогнувшим голосом:

– Решите?

– Да, – ответил я беспечно. Потом по его лицу понял, что эти умники всегда находят в словах простых героев иной смысл, пояснил: – Задачу решу, а не девицу. А какой у вас есть квест, чтобы ради благородной цели?

– Мы подберем, – пообещал он. – Вот вернется Куцелий... Это мой лучший помощник. Своенравный, но талантливый. Правда, есть подозрения, что еретик. За ересь у нас...

Он оборвал речь, за дверью уже топало, послышался звон кольчуги, тяжелые шаги. Когда дверь распахнулась, через порог шагнул маг, которого подозревают в ереси, остановился и с поклоном повел дланью.

За ним следом вошло нечто похожее на колоду для рубки дров: крепко сбитый гном, т. е. широкий, как и я, мужик, только ростом мне до поясной пряжки, зато грудь, как бочка, моей почти не уступает, однако ноги совсем короткие, хоть и мускулистые. Он напоминал не то могучую деревянную колоду, на которой колют суковатые поленья, не то плаху из старого дуба для рубки мяса.

Окладистая борода падала на грудь, но и без нее я знал, что голова гнома сидит прямо на плечах, без всякой шеи, за счет чего этот человек, потомок переживших всемирный потоп в пещерах, короче еще на ладонь.

Его широкое, как луна, и мясистое, как припрятанная для себя мясником вырезка, красное лицо испещрено жуткими шрамами, нос срезан как ударом топора, жутковато чернеют дыры ноздрей. Когда на миг открыл рот, в обрамлении черной неопрятной бороды показались и спрятались два ряда желтых изъеденных зубов.

Я смотрел с неловкостью и понятным чувством вины, как смотрит каждый здоровый человек на уроды или калеку. И хотя это вроде бы целая раса таких существ, но для моих чувств все-таки только множество калек, уродов, которые в переходах метро сидят прямо на полу с шапками между изуродованных ног.

Когда я встречал на Тверской или, скажем, Арбате такого вот гнома... там они назывались иначе, то со стеснением отводил взор. Естественная брезгливость здорового человека.

Зато гном смотрел на меня с понятным раздражением мужчины, которому приходится заирать голову, чтобы смотреть в лицо другого мужчины.

– Ваш спутник, – представил Куцелий. – Двоф, или, как говорят в простом народе, дварф. По-нашему же, просто гном или карл. Владеет всеми видами оружия, хотя сам предпочитает

секиру, видит на три локтя под землю, неутомим, вынослив, хороший страж даже в дождливые дни, умеет стреноживать и седлать коней, собирать хворост для костра, чистить рыбу и предсказывать ненастье...

– Спасибо, не надо, – пробормотал я.

Оба мага вытаращили глаза, даже гном хмыкнул как-то подло, посмотрел подозрительно.

– Почему? – изумился Тертуллиус.

– Да так...

А Куцелий ударил себя по-бабьи руками о бедра, в самом деле широковатые, сказал плачущим голосом:

– Да вы знаете, каких усилий стоило заполучить именно гнома? Я-то полагал, вам это должно понравиться!

– Почему? – спросил на этот раз я.

– Ну, – воскликнул он, – это же так очевидно, что и объяснять как-то неловко... Ваш рост и его... Для мужчины рост – гм, едва ли не главное. По крайней мере, сразу видно, кто из вас выше. Даже издали. А внешность у вас так и вовсе героическая...

Он говорил с пафосом, очень серьезно, даже чересчур. Я переступил с ноги на ногу. Куцелий говорит вроде бы в мою пользу. В средневековье при дворах королей и королишек всегда были шуты и уродцы, служившие для потехи двора. При дворе русской императрицы Анны Иоанновны... если не перепутал, тоже было полно шутов, карлов и карлиц, всяческих уродцев. Скакали, пищали, строили жуткие гримасы, а тогдашние просвещенные вельможи хохотали, глядя на их ужимки. Все равно не понимаю, как можно веселиться, глядя на ужимки и гримасы. Но с другой стороны – телепередачи заполнены гримасами Бенни Хилла и подсказывающим гогомом за сценой...

– Не надо, – повторил я уже тверже, потому что я все-таки герой, а герой должен вести себя так, словно никогда не слышал о высшем образовании. – Плевал я на ваши традиции!.. Традиции – для слабых.

Тертуллиус удивился:

– Но все герои...

– Сильные сами создают правила, – прервал я. – Не понятно? Сила не в крепости мышц, а в дерзости.

– Ого, – сказал он очень почтительно, – да вы – супергерой! Архи, можно сказать даже ого-го, если сказать доступно. Но вы уверены, что вас поймут? Героем должен восторгаться простой народ. Потому все-таки у героя должна быть простая и ясная цель. К примеру, отыскать золотое сокровище.

Куцелий добавил быстро, видя мое кислое лицо:

– ...и половину раздать простому народу.

– Отдам все, – буркнул я.

Куцелий возразил радостно, видя, что мое упорство дало трещину:

– Все нельзя. Герою нельзя быть умным, но и полным идиотом ни к чему. А вот половину... как раз. И народ не ощутит себя обиралой. Чрезмерная щедрость обозлит, начнут подозревать...

– В чем?

– Ну... в разном. Понимаете, это же люди! Подозревать, говорить гадости. Нет, половину – в самый раз.

Я сказал скрепя сердце:

– Я вижу, у вас ничего другого просто нет. Ладно, за сокровищем, так за сокровищем. И половину, так половину. Это по-нашему, по-братски.

Куцелий испугался:

– Лучше по справедливости!

ГЛАВА 9

Пока Куцелий торопливо перерисовывал карту с сокровищами, старый маг под уютное скрипение пера по бумаге расплзлся в глубоком кресле, как тающее тесто. Когда его рожа перекосилась, а рот сдвинулся, как земная кора при землетрясении, Куцелий сказал торопливо:

– Ну, вообще-то карта готова... Думаю, герою ж не надо со всеми подробностями?

Конечно, мне лучше бы с подробностями, и все камешки, о которые могу споткнуться, чтобы пометил красным, но когда так спрашивают, то и без моих мускулов невольно скажешь то, что от тебя ждут.

– Не надо, – ответил я, сердясь на самого себя. Молодой маг просто ленится, но смотрит на меня как на сообщника, который за спиной старого учителя пускает голубей из тетрадных листов. – Если указал хоть, в какой стороне сокровище...

– Все подробно! – воскликнул Куцелий шепотом. – Смотри!

На желтом листе пергамента сокровище было отмечено красным, я – зеленым, нас соединяет синяя линия, по которой отмечены скалы, рощи, озера, даже мелкие ручьи. Линия моего пути достаточно извилистая, так что молодой маг не просто провел прямую от и до.

– Великолепно! – воскликнул я.

Он с облегчением перевел дух, словно только что сунул мне «куклу» вместо пачки зеленых, опасливо оглянулся на дремлющего Тертуллиуса:

– Пусть учитель помыслит... он так умысливает очень далеко, а я вам пока покажу коней, оружие...

Я удивился:

– Так у меня вроде бы есть конь! И меч как раз по руке.

Он уже спешил к двери, я не стал оглядываться на старого учителя за разрешением, наверное, уже и слюни пустил, вышел и спустился за младшеньким по витой лестнице во двор.

Конюшня маячила на той стороне двора. Длинная, как казарма, она терялась в пристройках, мы зашли с торца, в ноздришибанул ядреный запах конского пота, свежего овса и отборной немолотой пшеницы твердых сортов.

Справа и слева под стенами вдаль уходили одинаковые стойла. Конские головы смотрелись как вычеканенные из дорогого мрамора, почему-то только черного и белого. Я слышал неумолчный хруст, шелест, словно тысяча жерновов перетирала зерно в муку. От ворот запыхавшиеся конюхи не успевали подтаскивать мешки с овсом, прямо в помещение часто въезжали нагруженные доверху телеги.

С другой стороны конских рядов, где мерно помахивали роскошные хвосты, слышался ровный стук. Словно дождь барабанил по крыше частыми крупными каплями или же в саду сыпались переспелые груши, разбиваясь на земле от переполнившего сока. Конские каштаны сыпались и сыпались, младшие конюхи подхватывали широкими лопатами еще теплые рассыпчатые клубни и с размаха, с лихого разворота, ухитряясь не попадать друг в друга, швыряли в широкие телеги с высокими бортами.

Куцелий указал на дальний ряд:

– Нам туда. Там крылатые!..

– Ого!

– Чувствуется, – сказал он значительно, его уважительный взор уважительно скользнул по моей мощной фигуре, – что вам для квеста понадобится непростой конь! Очень непростой.

Под непрекращающийся хруст, чавканье и шлепанье мы продвигались в дальнюю часть конюшни, где запах стал мощнее, воздух уплотнился, в солнечном луче плавали уже не только частички пыли, но и сена. Кони здесь помельче, тоньше в кости, изящные, как статуэтки, хотя

жрали, как бременские тяжеловозы, а дефекация шла мощно, как из брандспойтов, когда откачивают затопленный подвал с утонувшими крысами.

Здесь кони тоже ослепительно белые, чуть меньше угольно-черных, в самом дальнем стойле кормился огненный жеребец, а я-то привык считать, что все кони просто коричневые.

Их могучие крылья, красивые и рассыпающие искры колыхали тяжелый воздух, а сами кони колыхались от этих движений, как большие рыбы в аквариуме дирекции «Центр–полиграфа».

– Крылья-то, крылья! – прошептал я. – Ничего не понимаю...

Куцелий удивился:

– А что не так?

– Ну, с растопыренными крыльями не больно поскачешь... А если по лесу, то и вовсе! А если начнет стягивать крылья на спину... как гусь или летучая мышь, то меня спихнет да еще и поцарапает, вон какие когтищи.

Он задумался, на чистом лобике появились морщинки, но тут же исчезли. Он просиял:

– Не знаю!.. Но как-то образовывается. Как, не знаю. Но никто не жаловался, хотя этими конями попользовалось великое множество героев. А вы ведь герой?

– Герой, – согласился я и подумал, что и в самом деле не геройское дело допытываться да доискиваться. Я не какой-нибудь заваливающий мудрец, у которого мускулы, как червяки в тряпочке.

Из яслей выглядывали головы ослепительно белых коней. Между лопатками у меня пробежала холодная ящерица: на морде каждой лошади торчал длинный острый рог. Не тупой и короткий, что на носу зверя, которого за это и зовут носорогом, а на лбу, прямо над глазами.

Приблизившись, я рассмотрел, что рог к тому же странно рифленый, словно пытался скрутиться в спираль, но не хватило сил, так и остался со вздувшимися и застывшими кольцами.

Если у носорога рог – всего лишь слипшиеся волоски, которые легко расщепить ножом до самого основания, то здесь чувствуется настоящая кость, литая, без вкусного сладкого костяного мозга внутри. Этим рогом с разбега нетрудно пробить кованый доспех, а уж про голую грудь, пусть укрытую слоем мышц, и говорить нечего...

– Я слышал, – признался я, – что единорогов может приручить только... э-э... девственница. Другого они просто забодают.

– Знаю, – сообщил Куцелий. – Эту легенду мы придумали сами. Нужно было какое-то образное сравнение, чтобы народ понял, насколько трудно приручить единорога. Пойди найди девственницу, достигшую восемнадцати весен!.. То же самое, что отыскать алатырь-камень, иголку в стоге сена, пуп на теле Адама... да и Евы, кстати...

– А у Евы? – не понял я. – У Адама, понятно, не должно, а у Евы почему нет?

– У Адама других женщин не было, – объяснил он кисло, – а жил он, если не ошибаюсь, около девяти сотен лет. Греков же с их вольностями еще не было. Словом, стерся пупок у Евы, стерся! А вам я дам вот этот плод...

На раскрытой ладони возникло мелкое яблоко, очень красное, крепенькое даже с виду. У нас их называют райскими или дичками, только такие росли в раю, мелкие и кислые, пока человек за века не вывел нынешние сорта крупных и сладких, налитых соком, а не уксусом.

– А мне зачем?

– Отдадите единорогу, – пояснил он терпеливо. – Когда съест, то признает только вас.

– Что-то вроде инбридинга, – понял я. – Или имплантинга, не помню... А он что, в самом деле сожрякает... такое?

– Еще как, – заверил маг, хотя в голосе проскользнуло сомнение. – Сам не знаю, почему такое жрет, но жрет, аж за ушами трещит, будто жилы какие рвутся. Видимо, по закону богов даже в самой несокрушимой броне оставлена ахиллесова пята.

– Наркотик, – согласился я. – Как кот, скажем, валерьянку...

Я взял яблочко, но Куцелий перехватил меня за руку:

– Погодите! Если сейчас, то вам сразу надо о нем заботиться. Он не допустит к себе даже конюха. Лучше перед квестом. Скормите яблоко и – в седло!

– Хорошая мысль, – сказал я с облегчением.

Когда мы возвращались снова мимо могучих черных и белых, я поинтересовался осторожно:

– А что с ними?

Куцелий не понял:

– Обыкновенные волшебные. А что, масть не та?

– Да масть та, – ответил я с неопределенностью, ибо о черно-пегих и буланых читал только в книгах феодальных классиков, а сам отличал из мастей только трефу от бубен. – Масть не смущает... Похоже, тут одни дальтоники. А вот фекалии... Эта усиленная дефекация...

– Побочный продукт, – ответил он кисло. – Кто из вас, героев того мира, помнит, что коня надо кормить, поить, да и вообще?.. Вот они, так сказать, наперед. Но вам на это смотреть не обязательно.

– Да, конечно, – согласился я поспешно. – Только вперед!

– Солнцу и ветру навстречу, – сказал он значительно. – Всегда! Даже если идти надо в другую сторону.

Мы шли к башне, а я еще слышал ровный мощный гул, похожий на привычный шум работающих земснарядов.

Во сне мучило это отвратительное ощущение, что меня бросили в чан с червями. Выныривал из небытия тяжело, поймал себя на том, что мои руки постоянно ползают по лицу, хватая и сбрасывая ползающих червей.

В помещении стоял звон, громадные мухи падали мне на лицо, пытались забраться в ноздри, в уши, даже под веки, то ли отложить яйца, то ли просто нагадить в укромном месте.

Поднялся, с полузакрытыми глазами, руки мои шарили в поисках выключателя. Пальцы уперлись в шероховатое, снова отмахнулся от мух, сквозь щели заплывших глаз рассмотрел, что передо мной каменная стена из грубо отесанных глыб. Из щелей торчит сухой мох, явно для затыкания дыр.

В углу широкая бочка, воды до краев, но ее не видно из-под слоя утонувших за ночь мух. Некоторые еще трепыхаются, одна вовсе носится, как глиссер, на одном крыле, пытаюсь отлепить от воды другое.

В щель вбит крюк, на нем черпак, вырезанный из цельного дерева. Морщась, я отогнал мух к краям, ухитрился зачерпнуть почти без самых крупных, остальных выловил двумя пальцами. Холодная вода приятно обожгла распаренное сном лицо.

Глаза машинально искали зубную щетку. Из рта прет, как из выгребной ямы, хотя вообще-то зубы у меня сравнительно здоровые, а что шесть пломб и две зияющие дыры, так я старался не улыбаться той половинкой рта.

В тусклой полированной пластине металла смутно отразился мускулистый гигант. Когда он открыл рот, я отшатнулся от блеска ровных белых зубов, настолько безукоризненно ровных, что захотелось хоть какой-то сдвинуть или укоротить. Хотя нет, это ж мои зубы! Пусть другие завидуют и мечтают укоротить или выбить. А когда у меня эти мышцы, этот меч...

Я оглянулся. Ножны на другом крюке, на прямой и широкой, как Черное море, перевязи. Рукоять смотрит с холодной гордостью варварского оружия: ножны простолюдина – королевский клинок.

Поколебавшись, сунул пальцы в рот, поскреб язык, ощущая гниlostный налет, что за гадость ел и пил, сполоснул пасть, не решаясь запрокинуть голову, чтобы такая вода не про-

текла через горло вовнутрь: как и всякий на рубеже третьего тысячелетия растерял все иммунитеты, любая гадость прилепится, не встречая отпора.

Слуга, веселый и чирикающий как назойливый воробей молодец, проводил меня к конюшне. Зайти не осмелился, он не маг и не герой, я пошел сонно, постепенно трезвея от запаха и шлепающих каштанов, к отделению для единорогов.

Все подняли головы, уставились с любопытством и надеждой. Глаза у всех мудрые, понимающие, мне стало неловко, что выбираю, словно на базаре, в то время как право на свободу имеют все. Пальцы стиснули яблоко, чуть поколебался, но когда морды потянулись в мою сторону, я просто швырнул яблоко в середину загона:

– Ребята, мне просто неловко выбирать! Это нечестно...

В загоне взвилась ревущая и топочущая масса, я шархнул от дико оскаленных конских морд, блистающих рогов, огромных копыт, любое из которых с легкостью проломит череп медведю или варвару.

Дикое ржание потрясло стены конюшни. Остальные кони, крылатые и бескрылые, замерли в яслях, перестали есть и даже дефекалить. Единороги дрались, сбивали друг друга с ног, я успел даже увидеть метнувшийся на полу красный комок, затем страшная пасть подхватила на ходу, снова оскаленные морды, уши заложило от страшного ржания...

Ноги мои подгибались, по телу бегали мурашки. Попятившись, я сказал дрогнувшим голосом:

– Ребята, я очень сожалею, но мне дали только одно яблоко. Сам бы съел, но...

Пятясь, я добрался до середины конюшни, а там dospешил до открытых ворот. Челядин встретил блестящими от восторга глазами:

– Какое мудрое решение...

– Чего? – спросил я нервно.

Он прошептал:

– Как гениально... Какой красавец, какая мощь, какая грация...

Я выпрямился, расправил плечи и напряг мускулатуру. Потом заметил, что восторженный взгляд челядина устремлен через мое плечо. Оглянулся, мороз пробежал по коже: огромный белый жеребец пер за мной, как линкор, а далеко позади виднелись разбитые в щепу доски ясель. Длинный рог жеребца блестит, как нос баллистической ракеты, нацеленной мне между лопаток.

На солнце засиял так, что глазам стало больно, каждая шерстинка блестела, как маленькая электродуга. Я застыл, а огромный зверь подошел, обнюхал, моих пальцев коснулись мягкие, почти бархатные губы. Крупные карие глаза смотрели с благодарностью. Я развел руками:

– Прости, яблоко было только одно.

Челядин отступил на шаг, восторженные глаза не отрывались от чудесного животного:

– Как гениально просто вы отыскивали самого сильного и свирепого!.. Да, вы не простой герой!.. Вам еще придется войска водить, а то и целые орды... Если велите ему, чтобы меня не... ну, не на рог, то сейчас оседлаем для вашей милости.

Я повернулся к жеребцу:

– Ты уж, того... На черта он нам, забоданный?

Единорог фыркнул, то ли соглашаясь, то ли не соглашаясь, но обещая, я тупо проследил как его покрывают роскошной попоной, ее называли между собой потничком, затем принесли целое сооружение, именуемое седлом, с двух сторон звякали на длинных ремнях железные стремена со сложными штуками.

Я подвигал лопатками, устраивая тяжелый меч. Единорог позволил оседлать, но все время не отрывал от меня взгляда крупных глаз, что из коричневых сразу стали как горящие угли. Я едва дождался, когда все будет кончено: пришлось бы доседлывать самому, если бы мой рогач попрокалывал бы их как мишени.

Стремя пришлось точно по подошве сапога. Я ухватился за луку, поднял себя в седло одним могучим рывком героя. Единорог стоял неподвижный, словно ему на спину села муха.

– Тебя зовут Рогач, – предложил я. – Хорошее имя! Согласен?

Конь повернул голову, коричневые глаза смотрели кротко, как у праведника на иконе. Словно бы не у него только что из ноздрей шел пар, а из глаз веером били лазерные лучи.

Тертуллиус спросил с обеспокоенностью:

– Карту не забыл? Это не меч, о таких мелочах герой может и не вспомнить.

– Все в порядке, – заверил я. – Куцелий нарисовал все очень подробно.

Тертуллиус оглянулся на своего помощника:

– Да? Это хорошо. Позволь взглянуть...

Я видел, как смертельно побледнел Куцелий. Молодой маг явно не ожидал, что его могут проверить. Я со злорадством посмотрел на требовательно протянутую руку Тертуллиуса, перевел взор на трепещущего Куцелия, сказал небрежно:

– Я упаковал ее на самое дно мешка. Не стоит все ворошить. К тому же я и так запомнил дорогу. У варваров хорошая память.

Еще раз прошелся взглядом по молодому магу, пусть истолкует мои слова не только как спасение. Угроза должна быть слышна. Похоже, что-то да схалтурил, а этот старый маг явно из тех, кто даже за корявый почерк готов превратить ученичка в жабу.

Я повернул коня, делая вид, что не замечаю требовательно протянутой руки старого мага. У меня самого корявый почерк, я не был первым учеником, и вообще не люблю отличников.

На той стороне двора стражи налегли на створки ворот. В щель ворвался узкий, как лезвие меча, солнечный луч, расширился до широкой полосы, мой единорог хрипло затрубил в свой рог, быстро и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Я направил его по этой полосе, солнце ласково пригрело мои обнаженные плечи, я чувствовал его ласковые пальцы на груди, в волосах, прищурился, чихнул и понял, что мое путешествие будет легким и победным.

ГЛАВА 10

Арка городских ворот проплыла над головой и осталась за спиной. Я придержал коня, разом охватывая взглядом мир, в котором придется братья за меч.

Долина разостлалась от моих ног рывком, как брошенный на пол и быстро разворачивающийся зеленый ковер. Почти ровная, кое-где виднеются роскошные рощи, блестят два озера, почти на горизонте небо царапает зубчатая стена темного леса.

Мир накрыт неслыханной синевой, в зените застыл орел, изредка ныряет в облака, как ворона, что зарывается в муравьиную кучу, избавляясь от вшей.

Я посмотрел налево, по рукам пробежала сладостная дрожь. В двух-трех верстах на излучине реки вздымается на высоком холме сказочный рыцарский замок! Стена непомерно высокая, из толстых каменных глыб, с трех сторон замок защищает река, а с четвертой дорогу перекрыл глубокий ров. Мост поднят, я различил блестящие на ярком солнце паутинки подъемных цепей.

Замок красиво вырисовывался на фоне алого рассвета, еще подсвеченный сверху и уже сбоку, с красными башнями, между которыми пролегли угольно-черные тени, он выглядел еще таинственнее и загадочнее.

Конь фыркнул, нетерпеливо перебирал ногами. У меня вырвалось невольное:

– Черт, до чего же красиво!

Сзади, от городских ворот, донесся спокойный усталый голос:

– Нравится?

Куцелий стоял под навесом в тени. Солнце всю жгло землю, я видел на его диске фигурку пылающего стрелка, что часто-часто посылает вниз огненные стрелы, и бледнолицый маг всячески избегал прямых лучей.

– Еще бы!

– Что ж, мне наш великий маг и учитель Тертуллиус велел сказать, что это отныне ваш замок. Владейте, сэр...

Я пробормотал ошеломленно:

– Мой?.. Так сразу?.. Я думал, мне еще придется завоевывать, потом и кровью добывать, с мечом в руке!

Куцелий развел руками:

– Да, раньше было так. Но теперь многие предпочитают сразу, так сказать, в бароны, пэры, князья, а то и вовсе в короли. Но драконов и злых колдунов хватит! Сюда будете возвращаться после битв и подвигов. Для отдохновения и улаживания тела... И еще, доблестный герой...

Голос его был непривычно смущенным. Так смущаются, когда хотят что-то попросить достаточно для тебя неприятное. Я прорычал, сразу оцетиниваясь всеми иглами дикобраза:

– Чего еще?

– Мой учитель и наставник велел мне... – сказал он торопливо, голос вкрадчивый, – он у нас заботливый... Велел проводить хотя бы до ворот вашего замка.

– А-а-а-а, – прорычал я. Голос мой был сильный, грубый и подозрительный, – а то мне почудилось... Ладно, но если поспеешь. У меня лошадка, похоже, не из самых медленных!

Конь подо мной сорвался с места, словно лопнула веревка. Ветер засвистел в ушах, волосы трепало, ноздри мои жадно ловили сильные свежие запахи. Под ногами сперва гремела мощеная дорога, потом сухо стучала утоптанная земля, наконец зачавкала сочная трава, а ноги коня до самого брюха забрызгало зеленым соком.

Замок медленно приближался. Ветер пытался сорвать меня с седла, я пригнулся, а когда скопил глаз, в двух шагах, чуть приотстав, неся на маленькой лохматой лошадке, явно очень непростой, младший маг.

Удивленный, я начал придерживать единорога. Что-то в этом маге настораживало даже мою грубую варварскую душу. В его бесстрастном облике иногда словно бы проступало другое лицо, злое и беспокойное. Иногда я чувствовал на себе настолько острый взгляд, что начинал ежиться, но, когда оглядывался, глаза мага были сонными, как у толстой рыбы.

Замок стоял среди ухоженного газона, что тянулся от горизонта до горизонта. Потом я обнаружил, что конские копыта стучат по твердой, как бревенчатая мостовая, земле. Дорога легла рыжая, словно посыпанная золотым песком с пляжа.

На башнях трепетали красные прапорцы. Ветра я не заметил, но прапорцы трепетали весело и красиво, по алой ткани пробегали быстрые волны, и что-то в этом трепетании было волнительное и восхитительное.

Справа от дороги внезапно блеснуло оранжевым. Там расстилось небольшое ухоженное поле с поспевающей пшеницей. Я смутно удивился, как это не заметил сразу, но тут же мои глаза, как намагниченные повернулись за вышедшей из пшеницы стройной золотоволосой девушкой, словно бы вычленившейся из пшеничного золота.

Я успел рассмотреть ее удивительно тонкую гибкую фигуру, длинную золотую косу, неотличимую от пшеничных колосьев, длинные стройные ноги. Мне показалось, что одета во что-то подобие ремней, ни один не шире перевязи моего меча, и ни один не ниже оттопыренных ягодиц.

Девушка шла в сторону замка, а навстречу от ворот двигались трое мужчин, крепких и растопыренных, у каждого вид, вызывающий на драку. Девушка шла беспечно, голову склонила и смотрела на руки, быстрые пальцы плели венок. Я видел, как она надела его на голову, синие цветы красиво гармонировали с золотыми волосами.

Мужчины, посмеиваясь, шли ей навстречу. Один широко распахнул руки, второй начал заходить сбоку, вдруг да красивая дурочка бросится бежать, а ноги у нее длинные, быстрые, как у олененка...

Я видел, как девушка остановилась, пугливо огляделась. Мужчины приближались, один остановился перед ней, что-то говорил, второй зашел сзади, отрезал дорогу к бегству.

Рогач переступил с ноги на ногу, фыркнул. Я очнулся, толкнул его каблуками под бока: – Вперед!

Подо мной дернулось взад с такой силой, что я едва не скатился через круп. Ветер засвистел, я с трудом выпрямился. Задний мужчина обхватил девушку со спины, прижав ей грудь, а второй со смехом протянул к ней руку с грязными, отсюда видно, ногтями землекопа.

Земля гремела под копытами. Я крикнул сильно и грозно, но встречный ветер вбил мне крик обратно в горло с такой силой, что я поперхнулся, не успев выпустить воздух с другой стороны. Ветер вышибал слезы из глаз, я едва видел, как мужчины схватили девушку с двух сторон, я поднял ладонь над правым плечом, пальцы нащупали широкую рукоять.

Зловещий звон покидаемого ножны меча заглушил свист ветра в ушах. Мы приближались, я начал придерживать коня, страшась проскочить мимо, моя рука грозно занесла над головой меч.

Мужчина впереди внезапно отскочил с перекошенным лицом. Девушка красиво развернулась и с лету вонзила второму короткий нож в горло. Тот захрипел и осел на землю. Она хладнокровно выдернула лезвие, во мгновение ока оказалась перед первым, он судорожно выставил вперед руки, но она скользнула между ними серебристой рыбкой, скользкой и холодной. Блеснул нож, мужчина закинул голову. Из перерезанного горла брызнула широкая красная струя. Девушка небрежно вытерла лезвие об одежду убитого.

Рогач остановился перед нею как вкопанный. Я глупо ткнулся лицом в конскую гриву, меч тянул к земле. Я долго совал его в ножны за спиной, не попадая в узкую щель, прорезал на заднице портки и даже достал холодным лезвием собственные ягодицы.

Девушка бросила нож в ножны на поясе не глядя. Ее синие смеющиеся глаза не оставляли моего лица.

Я поежился. Таких женщин ныне хоть пруд пруди и в Москве. Зарежут, предадут и не поморщатся. А здесь хотелось бы что-то такого... ну, чтоб я на белом коне и с мечом наголо, а она робко пряталась за моей спиной, верная и послушная.

Женщина словно прочла мои мысли. В ее взгляде было понимание, что еще хуже, чем холодная насмешка. Я старался держать лицо каменным и тупым, как надлежит герою, и ее это, кажется, если не обмануло, то заставило придержать язык..

– Мой лорд, – сказала она после короткой заминки ясным чистым голосом, красиво и почтительно, – воительница Свенильда к твоим услугам.

Я вскинул руку, чувствуя приятную тяжесть могучих мышц:

– Приветствую и тебя, воительница Свенильда. Хороший был удар.

Она мило улыбнулась:

– Пустяки! Я могу и лучше.

По спине у меня все еще бегали противные сороконожки. Ее тонкие пальцы красиво и небрежно снова вытерли лезвие ножа об одежду убитого, очень умело и заученно, а синие смеющиеся глаза не отрывались от моего лица. К счастью, мое тело покрыто толстой кожей, что уплотнилась еще больше от жгучего солнца, морозов, северных ветров и брызг морских волн. Я ощутил, как горячая кровь прилила к щекам, но лицо мое не дрогнуло, а голос был все таким же надменным и повелевающим:

– Не сомневаюсь. Не сомневаюсь.

Она некоторое время смотрела мне в лицо, я не двигался, и она после паузы проговорила медленно:

– Если понадобится... я живу в восьмой казарме шестого полка. Меня зовут Свенильда Блистательная, но для друзей – просто Свенка.

– Запомню, – сказал я. – Хотя тебе больше подошло бы имя Елена.

– Елена?

– Да. Была такая... однажды. Елена Прекрасная. Из-за нее разгорелась страшная десятилетняя война.

Свенильда озорно прищурилась, зубы сверкнули в блистательной улыбке, а через мгновение я смотрел на ее провоцирующе покачивающиеся розовые ягодицы – ремни не помеха! – а длинные ноги переступали красиво и почти танцующе.

Я про себя добавил, что она смотрится больше как помесь Елены Прекрасной и киборга-киллера. Современный идеал женщины, но мне почему-то не по себе.

Сзади слышался конский топот. Я не обернулся, только уши ловили лошажье фырканье, игривый перестук копыт. Лошадка мага шумно обнюхивалась с моим благородным единорогом, тот беспокоился, то ли брезговал простолюдинкой, то ли уже прикидывал шансы. Я наконец с таким трудом отлепил взор от удаляющихся ягодиц, что чмокнуло, будто вытащил сапог из опасной трясины.

– О какой казарме она говорила?

Куцелий с готовностью развернулся в седле. Розовый палец с мозолем от перелистывания страниц уперся в пространство в направлении дальнего широкого приземистого здания. Оказывается, там еще и это строение, серенькое, как конюшня вдовца.

– Красиво, не правда ли? Там корпус спутниц героев.

– Спутниц?

Он ухмыльнулся:

– Ну, вы сами знаете, у героя обязательно должен быть спутник. Ну, Санчо Панса у Дон Кихота, лейтенант Грачик у майора Пронина, Змеиный Супчик у Шатерхенда, дед Шукарь у Давыдова... Ах, великий маг Игнатий это уже говорил? Ни один герой вообще-то не обходился без спутника. Бутрус сопровождал Ису, Аарон – Моисея, Али – Мухаммада, Энкиду – Гильгамеша, Ватсон – Холмса, ибо на фоне спутников герой выглядит еще мужественнее, несокрушимее, прекраснее, челюсть еще мощнее, а мускулы толще.

– И это я уже слышал, – напомнил я. Здесь то ли страдали амнезией, то ли потому что не первый, и каждому герою повторяют один и тот же заученный урок, приводят одни и те же примеры, иногда повторяясь, всегда занудливо.

Маг вздохнул:

– Прошли те времена, когда девица сидела у окошка и ждала прихода красавца-принца или Ивана-дурака. Теперь сами прут косяками в мир, полные решимости подобрать себе хорошо сбалансированного мужа, как привыкли подбирать меч.

Я сказал с неловкостью:

– Да, я уже заметил... И сам, честно говоря, подумывал...

Куцелий сказал торопливо:

– Не беспокойтесь. Ваше желание естественно. Оно у всех естественно. Но если раньше чего-то стыдились, соблюдали какие-то условности, то теперь свобода во всех отношениях... У вас будет спутница. В этом здании обучаются лучшие из лучших... Точнее, самые красивые из красивых. Победившие на конкурсах красот...

Я заметил с неловкостью:

– В вашем городе, как я заметил, они все эти... победившие на конкурсах красот.

Его бледное лицо слегка порозовело, а в красных от бессонницы или беспробудного пьянства глазах вспыхнул огонек:

– Вы это уже заметили? Странно... Нет, странно не то, что заметили, а слишком быстро заметили. М-да... Словом, в этом здании воспитываются самые-самые. Те, у кого ноги растут от нижней челюсти, мозгов меньше, чем у таракана, с виду капризны и независимы, но быстро подчиняются мужчине. Здесь их учат владеть всеми видами оружия... увы, теперь и женщины режут, как мясники, от вида крови даже не морщатся. Некоторым удастся овладеть начатками магии. Но только начатками, дабы не умалить усилий героя. С такой вам проще будет и с побочными моментами...

– Какими? – насторожился я.

– Ну, основной ваш квест, – сказал он знающе, – может оказаться слишком коротким.

Нужны какие-то движения в сторону.

– Налево?

– Просто в сторону, – ответил он уклончиво. – А для этого спутница может слегка аберрировать ваш прямой, как полет стрелы, путь, что придаст ему некоторую... человечность, что ли. К примеру, отправившись за сокровищем, вы могли бы подрасться из-за обиженного ребенка... Лучше, сиротки, это очеловечит вас в какой-то мере. Или собаку спасти...

Я пожал плечами:

– На кой хрен мне собака? Тем более сиротка?

– Детям все сочувствуют. А уж собакам или кошечкам... Правда, собачники больше переживают за собак, а кошки пусть подохнут, зато кошатники... Словом, спасти зверька лучше, чем спасти человека, а то и вовсе – мужчине! Спасибо никто не скажет, а врага нажить – раз плюнуть. Обманутая в надеждах жена, наследники, подчиненные, соседи... Можно даже не обязательно собаку или кошку, а, скажем, козу. Коза не человек, ее тоже всяк жалеет.

Я подумал, отрицательно покачал головой:

– Да черт с ними, сиротками. За один проход по электричке больше нас собирают! А собаку я и без спутницы спасу. Нет, пусть поупражняются еще. В другой раз как-нибудь. Меня жизнь приучила не доверять тем, что сам навязывается в спутники. Либо обворует по дороге, либо одеяло ночью на себя потянет.

Маг быстро наклонил голову, его пальцы выловили из конской гривы крупный репьях. Глаз я его не видел, но почудилось, что скрыл довольную улыбку.

ГЛАВА 11

Замок приближался, выросал, заслонил половину неба. Стены серого камня упирались в небо. Низкие облачка задевали нежными животиками за острые шпили, я ясно увидел, как из разреза выступила кровь. Края раны поспешно свернулись, а другие облачка пугливо взмыли повыше. В узких окнах-бойницах тускло блестели металлические прутья.

Вокруг замка шел по ровному кругу, словно провели циркулем, глубокий ров. От главных ворот вниз без скрипа опускался широкий подъемный мост. Я еще издали ощутил запах смолистых свежеструганных досок. Бревна сверкали белизной, еще не успевшие впитать пыль дорог.

Не знаю, зачем Куцелий... вернее, его учитель настоял, чтобы я принял этот замок, но я чувствовал себя в роли царька глупо. Мало того, что пришлось разбирать дурацкие жалобы челяди, я же здесь и судья, еще раздражали эти бухающиеся на колени простолюдины, а когда я брякал, что такие глупости делать не надо, все рождаются свободными, смотрели как на тронутого. Я слышал, как пополз слух, что меня больно много по голове били, не иначе как кувалдой, такого сюзерена, хоть и варвара надо жалеть...

Куцелий намекнул на право первой брачной ночи, но смотрел так, что я сделал лицо надменнее, чем у туркменского верблюда, мол, мне только принцессы под стать, кухарками пусть забавляются местные феодалчики, и он отступил, хотя в глазах осталось непонятное пока хитрое выражение.

– А что это за башня? – спросил я. – Что-то не вижу входа.

– Он внутри, – сообщил молодой маг нехотя. – Чтобы не сдуло со ступеней снаружи. Тут бывают сильные ветры. Но, может быть, вам лучше... гм... все-таки право ночи, пиры, казнить и миловать, испытать силу на заднем дворе с сильнейшими из вашей дружины... Да-да, у вас тут сильный отряд в полсотни отборных воинов!

Если бы сказал не таким гнусным тоном, я бы отказываться не стал: испытать силу – это подождет, а вот право первой брачной ночи... гм... но теперь только молча повернулся к башне. Куцелий пощупал камни, открылся ход к пощербленным ступенькам. Не колеблясь, я двинулся вверх. Плечи терлись о каменные глыбы, проход узенький, иногда строители вовсе халтурили, приходилось пробираться боком, я устал и уже начал себя спрашивать, какая нелегкая понесла, как мартовского кота, на крышу, но в этот момент как раз и блеснул свет.

Я надал, чувствуя, как гудят ноги. Ступеньки вывели на плоскую площадку крыши. Не больше пяти шагов в диаметре, заборчик не выше колена, я сразу ощутил, что башня слегка раскачивается, что каменный заборчик не выше колена и что я хоть и не боюсь высоты, но одно дело облокотиться о прочную решетку балкона, другое – подойти к такому вот краю.

С места, где я стою, мир стал пугающе широк. Линия горизонта отодвинулась в необозримую даль, я с дрожью смотрел поверх каменных зубцов, чувствуя, что здесь и воздух иной, и облака проплывают так низко, что я чувствую, сколько ведер холодной воды в каждом таком белом баране.

Сзади послышалось пыхтение, я сразу же распустил напряженные мышцы, а лицо сделал скучающе брезгливым, как и надлежит владельцу такого замка. За спиной зашлепали по камню сандалии мага. Я глубоко вздохнул, стараясь отогнать предательскую дрожь. До сих пор не могу свешивать голову с балкона, тянет броситься вниз, а тут меж зубцами никакой решетки!

За версту отсюда видна полоска леса, а за ней такая же бесконечная равнина, только почему-то серая, даже бледно-серая. Присмотревшись, я с изумлением увидел, что вся долина словно бы неспешно течет, как будто заполненная до горизонта массаами муравьев. Но только

я не представляю, чтобы все муравьи двигались так однообразно, да и таких серых муравьев не бывает.

Напрягая зрение, наконец различил массы людей, что двигались единой нестройной толпой. Серое облако пыли стояло над головами, все двигались изнуренные, но с одинаковыми торжественно-скорбными лицами. Настолько одинаковыми, что, даже если смыть слой пыли, я бы не отличил одно от другого.

Я спросил тревожно:

– А там кто? Какое-то завоевание?

Куцелий проронил торжественно, с благоговением:

– Это герои сопровождают принцесс в дальние края.

– Зачем? – не понял я.

Куцелий удивился:

– Разве это важно? Никто и не помнит. Главное, что путешествие длинное, через темные леса и высокие горы. Все заколдовано, полно нечисти. Герой красиво машет мечом, принцесса визжит и громко восхищается его мужеством, а спать им приходится... гм... под одним плащом. Столько пикантных подробностей, а вы о какой-то конечной цели?

– Ага, – понял я, – тогда конечно. Чем дальше в лес, тем ближе к цели. Мне тоже предлагали... провожать принцессу?

– Можно княжну, – рассудил Куцелий. – Многим важно, чтобы была именно княжна, а не принцесса. Или кому-то важно, чтобы они провожали княжну, а не принцессу. Кому-то, понимаете? Нет, неважно. Ну а в остальном разницы нет. Конечно же, очень красивая, сперва повздорите, воспылаете друг к другу неприязнью, будете всю дорогу обмениваться колкостями, но спать в холодные ночи придется под одним плащом... гм...

Я молча повернулся в сторону ступеней. Нет уж, умерла так умерла. Поеду искать сокровище, чтобы половину отдать бедным.

Будто сам богатый!

Эти идиоты с мускулами и мечами выезжают на рассвете, и я встал под вопли этих проклятых птиц с красными гребешками, на ощупь отыскал коня, умываться не стал, я ж не мусульманин еще, заботливые руки челяди помогли взобраться на это беспокойное храпящее животное и, придерживая за ноги в стременах, проводили до ворот.

Спросонья я мало что соображал, но по голосу Куцелий был чему-то доволен. В уши вонзался его настойчивый скрип:

– ...я показал весь замок, верно? И про право первой брачной ночи... И все подвалы с запасами лучших вин...

Я пробурчал сонно:

– Да-да, я подтвердую твоему учителю, не бойсь.

Когда я кое-как расцепил слипшиеся веки, поверх конских ушей уже простиралась широкая дорога, но на глазах сужалась, а когда оглянулся еще раз, позади блистал, как упавшая с неба гора драгоценного рубина, залитый утренним пурпуром мой удаляющийся замок. На стенах темные точки голов, кто-то вроде бы даже помахал платочком. Я так и не разобрался, кто из них управитель, а кто конюх, все чересчур бестолковые, услужливые, как медведи, и все готовые под право первой брачной ночи.

Когда я снова повернул голову, впереди уже зеленела равнина, а за версту дальше раскачивались верхушки могучей корабельной роши. Рогач шел ровно, я уже настолько привык к этой тряске, что мой зад двигался вместе с шевелящейся спиной одноногого зверя, посадке моей могут позавидовать кавалергарды, я в седле, как вбитый в стол гвоздь, в любой момент могу поднять руку к уху и вытянутыми пальцами коснуться рифленой рукояти длинного меча.

Перевязь еще не натерла кожу, тяжелый меч для меня не в тягость, солнце ласково щекочет кожу, вижу порхающих бабочек, слышу нехитрые трели кузнечиков...

Рогач фыркнул, задрал голову. Закрученный рог нацелился в небо. Я невольно взглянул вверх, пусто, только глаза слепит, тут же опустил голову, но в сознание что-то впечаталось, снова пошарил взглядом по синеве, а пальцы правой руки уже щупали лук, левая доставала из тулы стрелы.

Темная точка вычленилась, двигалась наискось к земле, разрасталась, я уже различил крупную птицу, летит тяжело, крыльями взмахивает чересчур часто для своего размера, не воробей все-таки...

Ага, в когтях что-то несет!

Конь застыл, я натянул тетиву, кончик стрелы, как острие самонаводящей ракеты, едва заметно сдвигался, я сделал поправку на отсутствие ветра, влажность, давление, солнечные пятна и гравитационный привет Юпитера, гигант как-никак, задержал дыхание, кончики пальцев нежно отпустили тетиву...

Стрела исчезла, я взвыл, основание большого пальца ожгло, как раскаленным железом. Тугая тетива рассекла до мяса, из глубокой раны потекла обильная красная струя. Тетива зло-радно звенела, разбрасывая мелкие капельки крови. Я кое-как засунул лук в колчан, прямо с тетивой, лизнул рассеченное место. Во рту стало тепло и солоновато, чуть не стошнило, как эти вампиры такую гадость...

В сторонке мелькнула тень, над головой мощно хлопнули крылья. На землю медленно падал, пронзенный стрелой, огромный орел. В когтях вяло трепыхалась крупная рыба, чешуя блестела серебром. Орел все еще пытался тащить добычу, не понимая, что стрела про-садила его насквозь, торчащий железный кончик мешает слабеющему крылу разгнуться, при каждом взмахе безжалостно выдирая перья.

С треском ломая сочные стебли, орел и его добыча повалились почти перед конской мордой. Я все еще прижимал изуродованное запястье ко рту, конь вытянул морду, понюхал, повернул ко мне голову. Коричневый глаз смотрел вопрошающе.

– Ну что? – спросил я раздраженно. – Разжигай костер, жарь рыбу. Если бы тебя так...

Орел подвигал крыльями, концы упругих перьев скребли землю с едва слышным змеи-ным шелестом, а рыба вяло шевельнулась. Глаза ее были уже сонные, только жабры судорожно двигались, обожженные чистым воздухом.

Вдруг ее рот задвигался. Звуки донеслись слабые, странные, но я отчетливо различил слова:

– Воды... воды...

Рана щемила так, что в глазах плясали плазменные искорки. Дурнота подкатывалась к горлу, я старался не смотреть на кровоточащую кисть.

– Откуда здесь вода? – пробормотал я. – Степь да степь кругом...

Голос рыбы прозвучал еще тише и монотоннее:

– Ближе... за темными деревьями...

Я повертел головой, деревья все как деревья. Правда, у рыб зрение по-другому, даже собаки не видят, к примеру, цвета, а бабочки различают в сто раз больше, вот если бы она сказала за ясенями или кленами... Впрочем, я сам знаю только березы и тополя, больше с горожанина спрашивать грешно.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Тут же устыдился своей дурости, щука из-под крыльев видела больше, чем я с конского седла. Конь закричал, когда я слез совсем не по-рыцарски и не по-варварски, а как домохо-зяйка с тренажера: цепляясь одной рукой за все, за что удавалось, а другую руку прижимал к губам и взывал, когда от толчков тыкался в рану зубами или носом.

Рыбина, даже подсохшая, трижды выскользнула из рук в мокрую траву. Не удержал бы вовсе, тем более что руку все еще берег, кровь все сочилась, хоть уже и не текла, но от вида ужасной раны у меня слабело все тело, а проклятая рыба выскользнула из рук.

Я видел по ее мутным глазам, что вот-вот вцепится своей зубастой пастью, желая мне помочь, в другую руку, тут я наверняка кончусь от боли, и я зацепил ее как крючком за жабры, терпи, дура, раз уж попала не акуле, а всего лишь птице, бегом понес, тяжелую как слона, к роще.

Деревья замелькали по обе стороны, словно их гнали навстречу, как стадо оленей. Кустарник выметнулся навстречу, хлестнул по ногам. Я задыхался, кровь текла из раненого пальца, стекала по кисти к самому локтю, а когда я попытался смахнуть со лба пот, попала и в глаза, и тогда я пер сквозь кровавую завесу, что становилась то гуще, то розовела, когда я смахивал ладонью. Всю кисть руки щемило, ноги отяжелели, а в груди пекло и хрипело.

Кусты трещали, впереди мелькнуло белое. Я несся, слыша только свое хриплое дыхание, внезапно из кустов на дорогу высунулось нечто сверкающее, наглое, без единой пылинки, в отполированной поверхности отражалось синее небо, а солнечный зайчик снизу ударил под веки с такой силой, что я сослепу треснулся коленом так, что хрустнула чашечка. Я взвыл и попер, на ощупь огибая это чертово трехногое чудо, которое в моем мире больше знают под названием «королевский».

Кусты пошли вверх, косогор, мне навстречу сыпались комья сухой земли, стучали в лоб. Слышался медный звон, негромкий, но почти не умолкающий, я озлился, хватался свободной рукой за ветви, ноздри уже раздувались от близости воды, а когда увидел это озерко, наполовину затянутое зеленой ряской, застонал от желания окунуться с головой: рана щемила, будто густо намазали аджикой.

Брызги взлетели теплые и зловонные. С широких мясистых листьев шумно прыгали толстые жабы. Вода закачалась, я с невероятным облегчением выпустил рыбину.

Она ушла под воду как камень, воздух из плавательного пузыря истратился на разговоры, а нового не скоро нацедит через больные жабры. Брызги намочили меня до головы, на ушах повисла тина. Со стороны я был похож на водяного, но рана неожиданно перестала сводить с ума, боль затихла.

Я с благодарностью подумал, что даже затхлая вода лучше моего соленого пота. Опустил руку, чувствуя прохладу и освобождение от боли. Правда, когда вытаскил, снова заньло, хоть и не так сильно, пришлось держать в этой темной жидкости, но вода не холодная, могу простоять долго...

На берегу затрещали кусты. Конь проломился по моим следам, фыркнул, взмахнул уздой. Я сказал стонуше:

– Тебе что, копытный! А у меня палец рассекло до кости. Почти до кости.

ГЛАВА 12

В сапоги забралось что-то скользкое, мерзкое. Гадость тут же начала подрываться под подошву, я поспешно перенес тяжесть на другую стопу, страшась придавить, а то и вовсе раздавить, но почти сразу через голенище скользнуло что-то еще болотное, только покрупнее.

Я терпел, вода бурлила вокруг моей руки, я промывал рану и одновременно распугивал болотных тварей, что уже явно присматривались к моим мускулистым ляжкам героя. В зарослях осоки зашелестело. Стебли колыхнулись, словно вдоль подводных частей стебля прошел кабан, почесывая о них спину. Нечто приближалось под водой в мою сторону!

Устрашенный, я попятился, задом выбрался на берег. Может быть, зверь там не крупнее выдры, но как человек с легкостью может дать в зубы равному себе по росту, но бежит от разъяренной кошки, так и я страшился всего болотного, скрытого в мутной воде, копающегося в иле, скользкого и липкого, потаенного, древнего.

Вода была мутными струями из прохудившихся, а то и прокушенных сапог. Я кое-как взобрался в седло и уже там, хватая поводья, с изумлением обнаружил, что держу их в правой руке. На месте ужасающей раны вздулся вспухший багровый шрам! Даже корочку крови смыло, под тончайшей розовой кожицей толчками движется кровь, вспучивая кожу, словно там проползают быстрые юркие гусеницы. То ли щука постаралась, то ли вода целебная, не вода, а грязи, но варвару ломать голову над загадками бытия нелепо, я толкнул рогатого коня каблуками под бока, подо мной дернулось взад, я удержался, и ветер засвистел в ушах мощно и вольно, как Ванька Каин, когда был еще не префектом полиции, а атаманом разбойников.

Деревья выбежали навстречу и разбежались в стороны еще пугливее. Мы вылетели в простор, рассеченный вдаль на две половины: вверху синий, а внизу зеленый. Там, где сходились, вспыхивала и угасала странная блестящая искорка, словно луч солнца попадал на пластинку слюды.

Впереди слышалось остервенелое рычание. Конь прядал ушами, кожа на шее подрагивала, но шел ровно, с шагом не сбивался. Мы обогнули холм, рычание, хрипый рык, звонкое клацанье зубов стало громче.

У подножья холма катался огромный клубок из серых мохнатых тел. Летели клочья шерсти, ветер пахнул в мою сторону, я уловил сильный волчий запах.

Конь всхрапнул, я на всякий случай вытащил меч. Волки дрались остервенело, молча, а хрипый рык вырывался в минуты то ли ярости, то ли боли. На земле уже расплывались широкие красные пятна, а шерсть на поединщиках кое-где слиплась, торчала толстым коричневым гребнем.

В какой-то миг клубок распался. Трое волков перекатились через голову, а я увидел, что дерутся трое серых волков с черным. Руки мои словно сами по себе бросили меч обратно в ножны. Я схватил лук, наложил стрелу, натянул тетиву и отпустил в одно мгновение, и лишь тогда вспомнил о разбитом пальце...

Стрела ударила в серого волка, одновременно я взвыл дурным голосом. Лук вылетел из руки, я тряс кистью, где кровь брызнула с такой готовностью, словно собиралась туда неделю.

От злости на себя и от боли, визжа как недорезанный свиненок, я выхватил меч. Конь нехотя скакнул вперед. Кончик длинного лезвия достал второго серого в прыжке и рассек ему хребет.

Последний серый и черный продолжали кататься как один гигантский еж, шерсть летела серая и черная. Подвивая от боли и жалости к себе, я с третьей попытки засунул меч в его щель и лишь тогда сунул палец в рот. Теплый солоноватый вкус проник в мозг как яд, я ощутил дурноту. Деревья закачались, начали расплываться, в ушах раздался далекий погребальный звон...

Послышался скрип, словно я грыз булыжник. Это мои челюсти сжались до хруста в висках, тело напряглось, из расквашенного теста собираясь в подобие мышечного каркаса. Деревья перестали раздваиваться, хотя в голове все еще стоял звон. Мелькнула мысль сползти на землю и отдышаться, пока не свалился, как мешок с отрубями, но снова посжимал челюсти, постарался посмотреть вокруг глазами героя.

Рык медленно затихал, волки лежали неподвижно, но челюсти черного были на горле серого. Это из его пасти доносился затихающий рык, словно из-под капота умирающего автомобиля. Глаза серого застыли, как стеклянные пуговицы, а глаза черного чуть сдвинулись, следя за мною.

Язык вывалился на локоть, острые длинные зубы блестели, окрашенные своей и чужой кровью. Грудь и холка вздымались, хриплое дыхание было таким шумным, словно ветер раскачивал лес. Желтые глаза неотрывно и немигающе смотрели на меня.

Я буркнул, морщась от боли:

– Похоже, тебе повезло.

Рогач, вздрагивая, пятился. Я дернул за поводья, конь с готовностью развернулся. Он порывался пуститься в галоп, но палец и так ноет при каждом движении, а при тряске я вовсе сойду с ума, и я придерживал, позволяя идти только шагом. Конь все пугливо прядал ушами, я видел, как испуганно поворачиваются в орбитах коричневые глаза, стараясь заглянуть себе за спину, но что удается косому зайцу, не по зубам единорогу.

Следом на трех лапах ковылял этот страшный, изодранный в клочья зверь. Шерсть слиплась и на животе, я видел, как срываются красные капли, оставляя мелкий ровный след, словно с самолета выпустили пулеметную очередь.

– Ну чего тебе? – сказал я раздраженно. – Нас тебе не одолеть. Неужели ты такой дурак?

Волк поднял огромную лобастую голову. Желтые глаза уставились в мое лицо. Тяжелая челюсть задвигалась, волк зарычал, вдруг я понял, что различаю в рыке и слова:

– Р-р-р... Я волк... Я волк!.. Меня зовут Остроклык...

Я пробормотал:

– Ну... черт, говорящий волк!.. Хотя, с другой стороны, тот, которого пинками из корчмы, тоже вполне по-человечьи. Ладно, меня зовут Рагнармир. У меня в сумке есть немного хлеба и сыра. Дать?

Он покачнулся, за это время под ним натекла красная лужица. Желтые глаза на миг затянуло пленой, но тут же гордо выпрямился, прохрипел с гордостью, достойной галльского барона:

– Ты помог мне!.. А я, Остроклык, обязан вернуть долг...

Я отмахнулся, взвыл, капельки крови веером упали на землю. Пару капель попали на волка, он с трудом повернул голову, вылизал плечо.

– Забудь, – посоветовал я хмуро.

– Нет, – прорычал волк. – Я волк из клана Острых Клыков!.. Весь клан будет опозорен...

– Я никому не скажу, – пообещал я.

– Я поклялся...

– Я освобождаю тебя от клятвы.

– Никто не может освободить волка из клана Острых Клыков, только он сам!

Лапы его подгибались, он упал, глаза затянуло пленкой. Если бы издох, подумалось мне, то глаза должны смотреть невидящим взором в пространство, а так зверюга, похоже, просто сомлела, как Анна Каренина...

Не понимая, зачем это делаю, я слез. Конь тут же отбежал в сторонку от волка и моих жалобных подвываний. Волк лежал недвижимо, но бок его слегка поднимался и опускался, хоть и очень медленно.

Я присел на корточки, волк выглядел жутко. Еще дивно, что выжил и ковылял за мной. Осторожно повернул ему огромную лобастую голову, стараясь рассмотреть рваную рану на горле. Пальцы погрузились в густую плотную, как у крота, шерсть, местами влажную, на пальцах сразу остались красные пятна.

Внезапно я ощутил на ладони его мягкий и теплый язык. Я смутно удивился, ибо даже у кошек языки как терки, а это просто шелковый, мягкий и горячий, и тут ощутил, что уже не чувствую боли.

Не веря себе, я уставился на руку. Рана появлялась и исчезала под длинным красным языком, по руке пробегала дрожь, выступили пупырышки, а рана становилась все меньше, края сближались, дно поднималось, а волчий язык двигался все замедленнее.

– Спасибо, – выдохнул я. – Теперь мы в самом деле в расчете!

Мне казалось, что волк то ли засыпает, то ли подышает, прерывистое дыхание становилось все тише. По телу длинной ящерицей пробежала судорога, но, когда я начал высвобождать руки, веки приподнялись. Мне в лицо в упор взглянули желтые, как янтарь, глаза.

– Я волк из клана Острых Клыков, – прорычал он. – Теперь мы должны драться до смерти...

– Почему?

– Ты оскорбил...

– Я?

– Ты считаешь, что моя жизнь стоит только этой малости?

– Да нет, – ответил я, отшатываясь. – Я не то хотел сказать!

– Только я могу решить, – прорычал он гордо, – когда придет освобождение от моего обета!

Я пробормотал:

– Но я... в квесте... А тебе надо охотиться, рыть норы, общаться с волчицами...

– А тебе?

– Что мне? А-а-а, ну, я тот волк, который не очень-то роет норы... Но тогда тебе придется идти со мной.

Волк прорычал сурово и надменно, но теперь я уловил молящую нотку, которую он старательно прятал, явно предпочитая издохнуть, чем попросить:

– Тебе надо отдохнуть. Уже вечер. А за ночь я буду готов.

Распухшее солнце налилось багровым и сползло к горизонту. Небосвод раскалился до темно-вишневого цвета, кое-где застыли прилипшие комья шлака. Грязно-коричневые, неопрятные, они нависали с мрачной угрозой, мир казался злым и неприветливым.

Я расседлал коня, сам удивляясь, как ловко получается, какие-то знания получаешь здесь явно при переходе в этот мир, стреноживать не стал, мы ж не на Бежином лугу, и единорог освобожденно вломился в кусты. Пасть хватала зеленые листки, копыта топтали кусты в поисках птичьих гнезд, а подлые глаза блудливо смотрели по сторонам, в надежде ткнуть хоть кого-нибудь длинным рогом.

Костер воспылал от двух мощных ударов кремня по огниву... или огнивом по кресалу, неважно, ибо огонь все равно вспыхнул крохотными злыми язычками, заметался в поисках хвороста, который я забыл собрать, затем быстро вырос, трепетал от жадности и жажды жизни, и через мгновение оранжевое, как солнце, пламя гудело победно и мощно, я видел в быстро пляшущих языках тени скачущих коней, горящие дома, слышал визг и храп, лязг боевого железа и стук стрел о деревянные щиты.

Искры со злым шипением, как крохотные бенгальские огоньки, взмывали в быстро темнеющее небо. Сизый дымок сразу рассеивался, я едва улавливал его приятный горьковатый запах.

Волк следил за мной неотрывно, широкая пасть раскрылась. Красный язык и красный зев, похожий на вход в адские печи, пламенели как залитые кровью, но мурашки по моей широкой спине бегали, несмотря на все горы мышц, только при виде белых клыков размером с кабаньи и жутковатого вида двух неровных рядов острейших зубов.

– А куда идешь ты?

– За сокровищами, – ответил я.

Волк смотрел жутковатыми желтыми глазами. Поперечный зрачок сузился, мне стало не по себе. Наконец из клыкастой пасти выкатилось рычащее:

– За чем, за... чем?

– За сокровищами, – объяснил я терпеливо.

Он внимательно рассматривал, повернул с трудом голову. Желтые глаза стали еще пронзительнее. Переспросил сочувствующе:

– Выкупить попавших в полон?

– Да нет, – ответил я, чувствуя себя несколько неловко. – Просто так.

Волк переспросил недоверчиво:

– Может быть, тебе надо что-то делать с этим золотом?

– Да ничего, – ответил я. Потом вспомнил: – Ах да! Половину раздать бедным. Да нет, просто так. Пропьют, конечно, сволочи! Бедные всегда пьют. Но это уже не моя забота.

Волк медленно отвернулся. Шерсть поднялась дыбом, там пробежали крохотные искорки, затем опала, стали виднее бугры на заживающих ранах. Нехотя, словно даже рычание давалось с трудом, выдавил:

– В мое вр-р-ремя... мужчины ходили не за золотом. За честью, за славой... За женщинами, в конце концов, хотя я этой дури понять не мог...

– Почему?

– Дома подрастают молодые волчицы не хуже. Но чтоб за златом, нет...

Закат был удивительно нежным, словно румянец на щеках юной девушки. Небо на западе стало розовым, на расстоянии копья от темного края земли горел расплавленным слитком раскаленный ком металла, от него шло радостное сияние, словно от пера жар-птицы. Розовый свет захватывал почти половину неба, дальше плавно переходил в нежно-голубой, тоже чистый и свежий, словно не поздний вечер, а раннее утро, когда даже солнце отдохнуло и выспалось.

Подсвеченные снизу облака загибали выпуклые края, сочные, как набухшие лепестки роз, только плотная середина облаков быстро темнела, становилась похожа на окалину на быстро остывающем металле.

В кустах захлопали крылья. Мне почудился треск раздавленной скорлупы, затем пронзительно закричала перепуганная птица, эти пернатые засыпают с первыми сумерками, снова треск сучьев, чавканье, да черт с ним, собака гоняется за собственным хвостом, Михалыч ходит по бабам, а единороги обожают пугать птиц. Ну и что?

На голову посыпались древесные чешуйки. Я наконец вскинул голову. На фоне темного неба, слегка подсвеченный лунным светом, слегка шевелился огромный ком. Ветка скрипнула, под комом появились когтистые лапы, переступили по ветке ближе к стволу, на меня блеснул круглый красный глаз.

Ворон даже лег грудью на ветку, вытягивал голову, стараясь не пропустить ни слова. Толстые когтистые лапы сжимали ветку с такой силой, что вот-вот брызнет сок.

Мы вздрогнули от его неприятного каркающего голоса:

– Злато?..

Волк прорычал с отвращением:

– О Великий Лес!.. Еще и этот пучок перьев.

Ворон каркнул:

– Молчать, серость. Хуже того – чернота! Злато – это все!

– На что вороне злато? – рыкнул волк.

– А ты загляни в гнезда, – отпарировал ворон. – Ломятся от злата, серебра, блестящих камешков!.. Вон на том дереве один... даже ложку спер прямо из замка. Герой!.. А на самом крайнем дереве самый ловкий, лучший из героев, драгоценное кольцо с королевской печаткой уворовал из спальни стряпухи, когда... гм... Решено, серый. Ты остаешься зализывать раны, раз уж драться не можешь, а я пойду с доблестным героем.

Волк прорычал:

– Ты? Почему?

– Потому, что я ворон, а не ворона, – отпарировало с ветки. – Люди гибнут за металл!.. Ты черный, значит – темный.

В ответ послышалось злое ворчание:

– А ты, значит, умный? А на вкус?

Оранжевые язычки, обессилев, втягивались в багровые поленья, те рассыпались на светящиеся изнутри красные комья, похожие на драгоценные красные камни. Я бросил сверху веточку, она мгновение в недоумении корчилась, словно потягивалась, тут же по всей длине вспыхнули короткие радостные огоньки, как щенки вгрызлись в дерево, пошли расщелкивать как спелые орешки. Я швырнул еще парочку хворостин, пламя поднялось выше, а за пределами освещенного круга сразу потемнело и словно бы похолодало.

Волк лежал как черная глыба. Желтые огоньки иногда исчезали, я думал, что гордый волк заснул, обессилев, но через некоторое время чувствовал вопрошающий взор.

– Спи, – сказал я наконец. – Сегодня я на страже.

С дерева донеслось гнусавое:

– Спите оба! Мне сверху видно все, ты так и знай. Выступать нам на рассвете!

Я смолчал, а волк рыкнул:

– Почему это нам?

– Потому что герои всегда дрыхнут аж до восхода солнца, – донеслось из темноты над головами. – Сонная болезнь у них, что ли? А ты, черный, спи, спи... Мы тебя не берем, понял?

Волк зарычал, задвигался. Я, опасаясь, что попытается подпрыгнуть до низкой ветки, раны откроются, вмешался:

– Может быть, хоть здесь не будут решать за меня, как мне жить?

На ветке затихло, а волк снова превратился в темную глыбу. Я наконец лег у костра, земля теплая, но твердая, даже варварские глыбы мышц не очень-то располагают нежиться вот так: без перины, подушек, одеяла, ночника...

В лицо и поджатые колени жгло, как будто я приблизился к экзосфере Солнца, зато в спину тянуло абсолютным нулем. Я подвигался, собрался в ком, приняв позу эмбриона, только что палец не сунул в рот, волк и ворон могут счесть позу недостаточно героичной, тепло наконец-то с астрономической неспешностью двинулось изнутри к конечностям.

ГЛАВА 13

Красные и багровые рубины загадочно мерцали. Изнутри шло пурпурное сияние. Самые крупные были с кулак, а мелочи – с орех, не меньше двух десятков. Я испуганно таращил сонные глаза, драгоценные камни то расплывались, то наливались резкостью. Наконец я ощутил, как задубела от ночного холода спина, бок и бедро ноют от чересчур твердой постели, и лишь тогда драгоценные камни превратились в обыкновенные догорающие угли, кое-где уже подернутые серым пеплом.

Повернувшись, я стискивал зубы, чтобы не застонать, но все равно наткнулся на взгляд желтых глаз. Волк лежал на том же месте, слипшаяся на спине шерсть засохла как гребень, но на лапах и брюхе казалась опрятной, словно искупался ночью. Или тщательно вылизал. Мне он показался исхудавшим за ночь, изможденным, но когда потянулся, я видел, что кости и даже жилы целы. Зарычал от боли только однажды, но все-таки с прилипшим к спине брюхом обошел костер со всех сторон, понюхал воздух.

С ветки каркнуло:

– Доблестный герой! Вон там, за боярышником, пасется молодой олень. Стоит тебе пустить всего лишь одну стрелу... а я видел, с какой силой ты бьешь... ха-ха!.. прости, это нервное... то нам троим будет неплохой завтрак.

Мороз пробежал по мне, забрался во внутренности. Я отшатнулся:

– Ни за что!.. А если мечом?

Ворон повернул голову, посмотрел на меня поочередно правым, затем левым, переспросил неверяще:

– Мечом?.. Оленя? Простого оленя?

– Но это ж не рыбу ножом, – огрызнулся я.

– Разве ты бегаешь быстрее оленя? – спросил ворон с сомнением. – Сложение у тебя не бегунье. У бегуна ноги в голени аки дубы в тумане, а тебя вроде червяка в большом мешке. Но даже если догонишь и зарубишь, как нести обратно... Но зато красиво: герой возвращается с оленем на плечах, гордо бросает у костра...

Волк прорычал утомленно:

– Мой доблестный друг... ты просто забыл, что в твоей седельной сумке пара перчаток для стрельбы из лука.

В злом гарчании почудилась скрытая насмешка. Я нахмурился, но сунул руку в сумку. Пальцы наткнулись на гладкую кожу, а когда вытащил, удивленно уставился на перчатки из толстой кожи. Черт, это же так просто! Почему никто не предупредил?

Олень вскинул голову, когда кусты подо мной затрещали, как падающие деревья под горной лавиной. Я торопливо пустил стрелу. Хотя прицелился плохо, стрела пошла прямо, даже, как мне на миг почудилось, слегка поправила курс, наверное, под влиянием ветра. Олень стоял как дурак, железное острие с легким хлопком вошло под левую лопатку. Я успел увидеть, как древко утонуло почти по перо, олень тут же упал на спину, красиво забился в предсмертных корчах.

Мясо жарили в настороженном молчании. Ворон перелетал с ветки на ветку, подавал бесполезные советы, как лучше жарить, но ниже опуститься не решался, волк следил за ним неотрывно, хотя вроде бы поглядывал на жаркое.

Я сразу вырезал печень, бросил волку, там больше всего крововосстанавливающих... как их там, словом, веществ и свойств. Пока он жадно рвал и глотал куски целиком, я под руководством ворона насадил неумело освежеванного оленя на длинную палку, укрепил на рогаatinaх, подобрал веток в костре, а ворон тут же каркнул:

– Доблестный герой, видать, забыл... что он не пытать оленя собрался, а жарить! Дымом пропахнет! Обгорит, обуглится, а внутри даже не разогреется!.. На жару надо, на жару! На угольях... Эх, варварство... Нет, дикари – это дикари-с.

Пахло все равно заманчиво, но, когда я начал резать зажаренное мясо, под обгорелой коркой в самом деле оказалась сырая, кровоточащая масса. Я положил перед мордой волка, хотя видел по желтым глазам, что хоть и хищник, но волчара тоже предпочел бы жареное. Сам выгрызал серединку, что поджарилась, но не сгорела.

Волк с треском грыз кости, добывал сладкий костный мозг, ворон наконец слетел на землю и, усевшись на брошенную неподалеку оленью голову, мощно долбил клювом. Чавкало, хлюпало. Я только покосился в ту сторону, в желудке сжалось в спазме, невольно представил, как такие же клювы долбят глаза павшим героям.

Я свистнул Рогачу, тот прибежал уже оседланный, веселый, отоспавшийся и сытый. Стремена весело позвякивали, конские ноги по самое брюхо казались потемневшими от выпавшей за ночи росы.

Спиной я чувствовал, что за мной наблюдают две пары настороженных глаз. Громко и неприятно прозвучал хриплый каркающий голос:

– Герою нужен умный спутник! А не такой, что сожрет его коня.

А в ответ злобный рык:

– Герою нужен отважный спутник! Зачем ему трус?

– Он сам отважный, – прокаркал ворон. – Зачем два отважных? Чтобы спорили, кто отважнее?.. Зато нужно, чтобы кто-то один был умным.

Я хмуро запихивал в седельную сумку одеяло. Конечно, герою нельзя был умным – пропадет обаяние. Умный – это подозрительно, занудно, зевотно. Ворон готов мученически взять это на себя, умные всегда все принимают на свой счет, страдают за всех. Он умный, я – отважный, все по справедливости.

– Если доблестный герой намеревается идти прямо, – предупредил волк, – то там цветочная поляна... опасная поляна.

– Ядовитые цветы? – буркнул я через плечо. – Бред, вымысел. Они бы вымерли! Без опыления.

– Хуже, – сказал волк. – Там половина созревает, а другая половина уже готова... Если пойдешь прямо или хотя бы вблизи, то получишь с десятков иголок с семенами, что бьют без промаха на двенадцать шагов.

– А если вправо, – добавил ворон, – там поляна с жабами. Не простыми, не простыми!.. От их слизи бородавками не отделаешься. В твоём теле заведутся головастики, потом разбухнешь, будешь лежать, толстый и вопящий, и они будут расти, кушать тебя изнутри, а через три месяца...

– Через два, – прервал волк.

– Много ты знаешь! – каркнул ворон. – Серость немытая!.. Через три, ну, пусть через два с половиной начнешь – лопаться... то, что от тебя осталось, начнет лопаться, и с десятков таких молоденьких лягушат вылезут на солнышко, красивенькие такие, махонькие, зелененькие, лапки как игрушечные...

– Через два, – обрубил волк. В полураскрытой пасти белые клыки блестели, как сосульки на солнце. – Я видел, как один лежал, а в нем шевелилось, будто ежи играли! Ровно через два месяца живот лопнул, герой был еще жив, он еще пытался закрыть ладонями щель...

В моем животе начал ворочаться тяжелый чугунный утюг, а сам желудок покарабкался по горлу ввысь.

– Довольно, – оборвал я. – Вы уже доказали... да-да, доказали! Так куда нам идти?

Оба ответили одновременно так слаженно, словно вдруг стали близнецы и братья:

– Влево, куда же еще? Теперь все идут налево.

Я поднялся с мешком, конь нехотя приблизился, но стал так, чтобы копытами достать волка. Я привязал мешок, поставил ногу в стремя. Спихватился:

– Что налево, понятно. У нас тоже все мастера налево. Но в этом мире что есть лево?

Волк прорычал что-то нечленораздельное, умолк. Ворон прокаркал наставительно:

– Есть Правда и Кривда, на гнилом Западе именуемая просто и обыденно Добром и Злом, а если пойти севернее, то Светом и Тьмой. Если же взять чуть в сторону зюйд-зюйд-веста, то Порядком и Хаосом...

– Понятно, понятно, – прервал я. – Ты не умничай, ты пальцем покажи!

Ворон посмотрел подозрительно, но какие шутки у варвара, вздохнул, повернулся и ткнул клювом в пространство.

– Ага, – сказал я. – Идем налево, чтобы сражаться со Злом?

Даже волк посмотрел на меня так, что, будь у него руки, уже приставил бы большой палец к виску и греб бы по воздуху остальными.

– Зачем же тогда идти налево? – удивился он. – Если налево, там все свои. Надо идти направо! Чтобы грабить, убивать, жечь, насиловать, наслаждаться силой и всевластием своего меча. Там же простые никчемные людишки! Поселяне, горожане, всякие там маги-книгочеи – бей грамотных! – торговцы, ремесленники... А как хорошо распинать и мучить их сдобных, изнеженных женщин, чьи белые тела не видели солнца?

Мои широкие ладони покоились на рукояти меча. Он упирался острием в землю, медленно погружаясь то ли из-за своей остроты, способен рассечь волос в полете, то ли под тяжестью моих ладоней.

Видя мои колебания, ворон прокаркал наставительно:

– Ты ведь не просто какой-нибудь примитивный бла-а-а-агародный герой! Ты выше!.. Ты – Герой!.. А это значит, что ты не ведаешь ни добра, ни зла. Ты выше этих примитивных стародавних понятий. Ты идешь по миру... тьфу, по свету с обнаженным мечом в мускулистой длани, и ты хвост положил на все эти понятия о добре и зле. Ты режешь, кого хочешь, спасаешь, кого твоя левая... или правая рука, они обе твои, изволят. Сегодня ты спас принцессу, а завтра тебе восхотелось ее изнасиловать и зарезать – так кто посмеет не то что осудить, но сказать против? Сейчас время такое... Нет Зла, нет Добра! Есть только ты, Великий Герой...

Он топтался на ветке, орал, размахивал крыльями, каркал все громче. Волк следил ревнивыми глазами, рыкнул:

– Устарело!.. Сейчас уже герой стоит вовсе на стороне Зла. Наемные убийцы косяками вдруг проникаются любовью к какой-нибудь жертве, спасают... попутно убивая всех остальных без жалости и...

Я поднялся в седло, крикнул:

– Все, тихо! Убедили. Если вы такие умные, то я вас пушу впереди себя. Такие... не знающие Добра и Зла, не пропадут, как я думаю.

Волк сдержанно улыбнулся жуткой пастью. Я видел как ему хотелось по-щенячьи подпрыгнуть, но он только слегка наклонил голову. Ворон обрадованно каркнул:

– А что как умные? Умные тоже... И те серые, что кажутся кому-то где-то в чем-то умными. Мы знаем весь этот мир целиком и полностью! Этот вот серый аж вон до той березы с сосновой макушкой... нет, еще дальше, которое с лесистой верхушкой. А я так и еще дальше.

– До следующего дерева? – съязвил я.

– Нет, – обиделся ворон. – До самого конца леса!

От дерева с лесистой верхушкой до края леса было не меньше чем полверсты, так что ворон, как поистине мудрая птица, в самом деле знал больше.

Единорог пошел рысью с неприличной для его богатырской стати поспешностью. Волк ровными прыжками понесся в густой траве. Конь старался перейти на галоп, я придерживал, жалея гордеца из клана Острых Клыков. Умрет, зараза, а не попросит сбросить скорость!

Некоторое время я слышал над головой хлопанье могучих крыльев. Дважды ударила воздушная волна, затем спину царапнули жесткие, как конские скребки, перья. Конь дернулся, боится щекотки, ворон долго устраивался сзади на попоне, накрывающей круп, его трясло, сдувало, он тыкался то клювом в голую спину, то скреб острыми жесткими крыльями, наконец взлетел, напоследок ударив меня крыльями по голове и едва не сбив железный обруч.

Я был уверен, что отстанет, не дело умным на коня да за приключениями, но вскоре снова залопотали крылья, царапнуло по голове. Тяжелая туша рухнула на плечо, я заорал, острые когти вцепились в голое плечо. Ворон попытался вытащить свои крюки и уместить их на узкой полоске кожи перевязи, но все равно плечо горело, словно зажали в тиски.

На перекрестке дорог я сторговал у странствующего торговца перевязь пошире, к тому же из толстой кожи не то тура, не то буйвола. На плече умелые шевчуки поставили вовсе тройной слой, и наш пернатый умник с готовностью вогнал в нее острые когти, дальше поехал уже нахохленный, сразу задремав, лишь вздрагивая во сне и опять царапая мне щеку твердыми перьями.

Когда мы огибали пригорок, из леса шла к селу стая волков в шесть-семь голов. Впереди двигался массивный вожак, широкий в груди и с крупной лобастой головой.

На стук копыт все как по команде повернули головы, замедлили шаги. Я опустил ладонь на рукоять длинного ножа на поясе, конь пошел шагом. Волки двигались по-волчьи, длинной цепочкой, ступая след в след, чтобы потом никто не понял, сколько здесь их прошло.

Вожак отыскал глазами мое лицо, жутко блеснули клыки. Я услышал глухое рычание:

– Гер-р-р-рой... Доблестный герой, можно и нам... или хотя бы мне одному с вами?

Я не успел открыть рот, как мои спутники завопили в один голос:

– Пошел вон, дерьмо серое!..

Вожак слегка сгорбился, поджал хвост и пошел быстрее. Мои пальцы соскользнули с рукояти ножа. Конь храпнул свободнее, прибавил шаг, и мы все трое помчались навстречу утренней заре, а волки серыми холмиками двигались по густой траве, и казалось, что по зеленому морю в самом деле плывут серые комья этого самого серого, уже подсохшего.

ГЛАВА 14

Единорог несся, как пущенная гигантской катапульты глыба. Рядом скользил как темное облачко волк, а мне чудилось, что все мы летим низко над землей. Внизу под конским брюхом земля сперва мелькала пестрым полотном, потом превратилась в нечто слегка подрагивающее как студень, а мы все трое неслись в этом призрачном, нереальном мире, когда возникающий на горизонте лес через несколько мгновений обтекал нас со всех сторон, горы быстро укрупнились и проплывали как корабли с высокими трубами по обе стороны.

Первым сдался ворон, я ощутил толчок в плечо, в перевязь вонзило когти хрипящее, задышающееся, опустилось как тесто, вжимаясь в плечо, чтобы ветром не сбросило, прокаркало:

– Мой лорд... Мне чуется... тебе пора изволить...

Я прокричал через встречный ветер:

– Чего изволить?

– Потрапезовать... Да и твоему благородному роголобу... или роголобцу.

– Ага, – крикнул я. – А ты пристройшься так уж, вынужденно?

– А что мне одному остается?

Единорог начал замедлять бег, когда на горизонте возникла небольшая роща, а через несколько мгновений мы уже въезжали под сень высоких раскидистых деревьев. С высоты седла я углядел ручей, а волк первым плюхнулся на бережок, долго и шумно лакал.

Ворон перелетел на самую низкую ветку, та наклонилась еще ниже, угрожающе потрескивала, а он свесил голову и всматривался в траву:

– А чем бы нам отобедать?... Кузнечики всякие скачут... их пусть волк ловит и ест, он и с ними вряд ли справится... а нам с лордом чего-нибудь бы посущественнее... Эй ты, серость лесная! Ты бы сбегал олешка задрал!

Волк лакал, не отрываясь, еще долго, а когда вскинул голову, в желтых глазах была ярость:

– Я олешка задеру... Но если ты, пернатое, приблизишься к нему, тебе и кузнечиков жрать больше не придется!

Ворон каркнул обидчиво:

– Уж и пошутить низзя!.. У тебя, серость, только одна извилина, да и та снаружи.

– Сердце, – прорычал волк. – Главное – сердце! Благородное сердце ведет и зовет, а всякие там извилины только в услужении.

Единорог уже вломился в заросли, мощная пасть заглатывала сочные листья вместе с ветками. Стоял хруст, птичьи крики, хруст яичной скорлупы, треск орехов. Я прошелся по поляне, выбирая место для костра, вытасил кремь и огниво.

От первого же удара искры посыпались как из-под точильного станка. На земле вспыхнули мелкие короткие дымки, сразу в трех местах затрепетали крохотные язычки огня. Схватившись, что не собрал сухой травы, щепок и веточек, я бросился вслед за единорогом, собрал сушняку, а когда наконец вернулся, огоньки терпеливо горели все там же на голой земле, а получив подкормку, которую уже и не ждали, вгрызлись в ветки, как молодые щенята в сладкие кости, зарычали, пошли расцелкивать с азартом.

Волк вернулся не скоро, мы успели соорудить рогадины для вертела. Потом сдирали кожу, пластали мясо, вынимали кости, все это называлось странным словом «свежевали», потом долго и старательно жарили.

Несмотря на все ухищрения, мясо получилось жестковатым. Как ни манипулировали с горящими углями, все равно корка спеклась до черноты, обуглилась, а внутри мясо осталось сыроватым, даже выступала кровь. Волк ел с рычанием, нахваливал, ворон раскаркался от

блаженства, только я ел молча, ибо что бы ни говорили о мясе с костра на свежем воздухе, все же никакие угли не сравнятся с электрическим грилем.

Нажравшись, слегка отдохнули, а когда ощутили себя посвежевшими, солнце уже склонилось к темнеющему горизонту. В небе сперва поплыли три огромных бледных луны, затем начали выступать звезды, сперва самые крупные, затем целые звездные рои.

Волк лег рядом, в желтых глазах странно отражались пляшущие огоньки костра. Поперечный зрачок пульсировал, попеременно суживаясь чуть ли не до исчезновения, затем расширяясь так, что захватывал все желтое пятно. Ворон неспешно и важно расхаживал вокруг костра, деловито постукивал клювом по обломкам костей, как будто после моих или волчьих зубов останется хоть капля сладкого мозга.

Внезапно сверху с дерева раздалось хриплое карканье:

– Доблестные герои! Возьмите меня с собой, я пригожусь...

На толстой, как железнодорожный рельс, ветке сидел, свесив голову, крупный черный ворон, похожий на глыбу антрацита. Я только успел приподнять голову, как мимо меня хлестнуло злобно-язвительное:

– Пшел вон, комок перьев!.. Дурак! Без тебя ступить некуда!

Волк и ворон: один рычал, другой каркал, стали настолько похожими, что я завернулся в одеяло и поспешил закрыть глаза. В бок хорошо и надежно пригревало, эти двое уже не подерутся, в темноте видят лучше меня... по крайней мере один из них, только который...

Утром я спрятал обрывок пергамента и больше не доставал: на горизонте начала подниматься гора, при виде которой сердце мое тревожно застучало. Я почувствовал пробегающие по коже легкие мурашки.

Волк унесся по росе, за ним остался темный след стряхнутых на землю капель, ворон тоже, отоспавшись, взлетел аки орел и пошел кругами как планер, растопырившись и благоклонно позволяя поднимать себя теплему воздуху.

Мы помчались галопом, не слишком быстрым, потому что я насторожился при виде первого же человеческого скелета. В густой траве белел череп, грудная клетка угрожающе топорщилась поодаль, берцовых костей вообще не осталось, но и по тому, что я видел, волосы встали на затылке.

Человек был, судя по всему, если не выше меня, то вровень, грудь пошире, а череп настолько широк и с крохотными отверстиями для глаз под выступающими навесами надбровных дуг, что я сразу ощутил всю свирепую мощь питекантропа. Нагнувшись, я зацепил кончиками пальцев череп, но тот выскользнул из моих пальцев, тяжелый, как двухпудовая гиря. Я успел увидеть, что внутри черепа либо пусто, либо совсем мало места для мозга. Такая кость может выдерживать удары хоть булавой, хоть палицей, даже меч рассечет только кожу, а дальше не разрубит. Череп не составной, как у всех людей, а литой, как у настоящего героя, что благодаря таким уникальным данным прет отважно только вперед, рубит и сокрушает, не терзаясь сомнениями, не отвлекаясь на мелкие царапины, раны и жалкие вопли.

Зеленая трава уступила место жухлой, чахлой, а земля пошла сухая, потрескавшаяся от зноя. Сама трава торчала, мелкая и злая, с острыми или колючими стеблями. Белые кости попадались все чаще. Сперва разбросанные, растасканные зверьем, потом начали встречаться и цельные человеческие скелеты. Иногда в истлевшей одежде, трижды мы встретили в доспехах. У всех троих панцири побиты настолько, что понятно, почему на трупах: мародеры просто побрезговали доспехами, годными после перековки разве что на подковы.

Ворон часто улетал вперед, возвращался не то что отяжелевший, но какой-то благодущный, а если не успевал потерять о ветку свой носорожий рог, который у него служит клювом, я замечал на блестящей поверхности остатки слизи.

Потом мы встретили целый отряд павших, даже волк рыкнул в сторону ворона. Погибли мужики вроде бы совсем недавно, кровь едва-едва успела свернуться, но на молодых безусых лицах страшно и грубо пламенели пустые глазные впадины. Кто выдолбил так умело, я спрашивать не стал.

– Какая злая сила их скосила? – пробормотал я. – Враг силен...

Ворон нахохлился, слишком сытый, чтобы вступать в дискуссии, а волк несся рядом с конем красивыми ровными прыжками, рыкнул, не поворачивая головы:

– Ты великий мудрец!

– Я? – спросил я несколько озадаченно, но польщенно. – Это, конечно, да... несомненно, но ты... откуда ты решил?

Волк явно хотел унести вперед, но пересилил себя, буркнул:

– Да сразу так определил...

– Что?

– Что скосила злая сила. Наверное, если бы побил добрая, то лежали бы иначе? С перекошенными рылами, оскаленными зубами, вытарашенными в смертельном ужасе глазами...

Я открыл и закрыл рот. Для меня было само собой разумеющимся, что положительные герои и все те, кто на их стороне, мрут красиво и с возвышенными словами, а злодеи – гадко и в отвратительных корчах, застывая с выпученными, как у жаб, глазами.

Павшие лежали в героических позах, сжимая обломки копий и мечей. Лиц уже не различал, далеко, но железные доспехи блестели под лунным светом тускло и торжественно, посеченные, залитые кровью, но очень странно, что победитель не подобрал мечи, ножи, топоры, не снял с павших доспехи – пусть поврежденные, но годные в починку, а если и не в починку, то на перековку в нужную в хозяйстве вещь...

Какую, мелькнула мысль. На подковы? Но я пока что не видел ни одного селения, где пахали бы землю, сеяли хлеб, убирали сено, пасли стада, чтобы девочка гнала длинной хворостинкой на пруд стадо гусей, а те гоготали и норовили свернуть на тропку к лесному озеру.

– Вон там! – рыкнул волк, и мои смутные мысли смахнуло, как клочья сырого тумана свежим ветром. Волк ускорил прыжки, потом, опомнившись, так же внезапно перешел на шаг и остановился вовсе. Я натянул поводья, едва не разодрал единорожьё пасть.

Каменистая равнина в двух верстах впереди с размаха расшибалась об отвесную гору, перегородившую мир. Массивная серая плита, поставленная стоймя, вершиной царапала облака, а вправо и влево уходила за горизонт. Стену испещрили темные и багровые прожилки, отчего казалось, что по ней непрестанно стекает кровь гигантского животного.

По голове меня шарахнуло жесткими перьями. Твердые когтистые мослы отпихнулись с такой силой, словно это пернатое прыгнуло до облаков, не раскрывая крыльев. Меня вдавило в седло, единорог зло фыркнул. Волк сел по-собачьи, вскинул морду к луне. Черные ноздри часто раздувались, внутри блестело влажным.

– Пахнет жильем, – сообщил он наконец. – Много жилья!..

В неподвижном чистом воздухе поблескивало, словно лунный свет отражался на крыльшках эльфов, есть же среди них и совсем мелкие породы, как бывают, к примеру, муравьи крупные и муравьи совсем мелкие. Мои ноздри наконец начали улавливать чужой тревожащий запах, но тут в ночи захлопали крылья, мелькнула темная тень.

Я напрягся, но ворон углядел вблизи торчащий как чертов палец камень, рухнул, я слышал жутковатый скрип когтей, словно ножом поскребли по сковороде, крылья хлопнули пару раз, в мою сторону обратилась красная вишня глаза.

– Там вход!..

Волк рыкнул ревниво:

– Это знаем. Чуть левее, если взять от этого камня.

Ворон отдышался, прокаркал хрипло:

- Но я заглядывал вовнутрь!
- И как далеко? – поинтересовался волк.
- Достаточно!

Волк прорычал насмешливо:

– Понятно... Мой лорд, если мы что-то хотим узнать в самом деле, надо ехать. А это, которое в перьях, пусть пока отдыхает. Такое пузо таскать!

Копыта стучали звонко, но теперь мне слышался лязг мечей, стук костяных рогов, удары боевых топоров по щитам и шлемам, а холодный воздух ночи охлаждал кровь и обращал ее в мелкие стучащие кристаллики льда.

Стена разрасталась, заняла половину неба. Затем звезды исчезли, мы почти уперлись в залитую мертвенным лунным светом гору, срезанную с этой стороны как гигантским мечом.

В холодном воздухе плыли струи теплого воздуха. Я ощутил запах теплых тел, свалявшейся шерсти, испражнений, из чего понял с еще большим холодком, что пещера ведет в глубины настолько дальние, что оттуда чудища даже не выбегают из присущей каждому зверю чистоплотности.

Захлопали крылья, сверху злорадно каркнуло:

– А я первый заметил!.. Я первый!

Волк прорычал:

– Я тоже чую... уже давно. Там левее должна быть большая нора. Или даже вход в пещеру. Я проведу тебя, мой лорд!

Хриплый голос заорал:

– Нет я поведу! Я первый заметил!

– А я первым нашел!

Под моими коленями начало подрагивать. Я не знал, то ли единорог начинает трястись, то ли с моими ногами что-то не так, но лучше бы с этой рогатой лошадю, герою не пристало выказывать даже сомнение в полной и абсолютной.

Мы ехали вдоль стены, что выростала из земли под прямым углом, а то и под точкой кипения, я пугливо задирал голову, если оттуда сорвется глыба, да еще с самой вершины, а тут еще это услужливое пернатое распорхалось, то мои роскошные волосы героя точно испортит...

– Вот оно!

Два голоса, рык и карк, слились в одно, даже единорог что-то хрюкнул, попрядал ушами, словно пчела в хореографическом танце, сообщающая о запасах меда.

Я осторожно пустил коня вдоль каменной плиты, упершейся в небо. Вся вздыбленная стена залита неживым светом упырей, а впереди зияет сплошная чернота то ли провала, то ли входа. Конь вздрагивал, все-таки это его трясет, я сцепил зубы и заставил Рогача приблизиться к черноте.

Из глубины выкатывались волны теплого нечистого воздуха. По моей спине бегали мурашки. Тот зверь, который внутри нас, предупреждал меня, что в глубине пещер находится зверь намного крупнее, опаснее.

Над страшным черным входом грубо и страшно темнели рунические знаки. Если не русские или китайские, то, понятно, рунические. Помня, что в этом мире я свой, я напряг зрение, через пару мгновений начал улавливать смысл. Сперва почудилось, что там обязательно будет «Забудь надежду, всяк входящий», но в мозгу отпечатались два странных слова «Дэн...эн ... кипер», которые смутно показались знакомыми, и в то же время холодок страха пробежал по спине, проник во внутренности и залег там тяжелой глыбой льда.

– Ну держись, – проговорил я пересохшим ртом, – дэнжен... кто бы ты ни был!

Волк взрыкивал, давал последние наставления, ворон суетливо напоминал, чтобы все сокровища в мешок, в мешок, если не влезет, чтобы притоптал, только конь фыркал и старался

отодвинуться от мрачного входа. Никто из них в черноту идти со мной не собирался: волк-де обучен бою в условиях леса, ворону для полета простор нужен, а конь что, пусть даже рогатый, ему рог для драк за единорожек даден, а не за презренное золото...

– Почему презренное, – пробормотал я. Занемевшие ноги едва удержали, я постоял, держась за стремя. Кончики пальцев касались теплого конского бока, я чувствовал там мелко-мелко дрожащую жилку. Храбрый конь, у меня дрожит вовсе не жилка. Правда, конь остается...

Меч покинул ножны, как мне показалось, с радостью. Сжимая рукоять, я чувствовал в руках недобрую тяжесть смертельного оружия. В теле снова появились жилы. Мышцы взыграли, я пошел во тьму неслышным кошачьим шагом, чуть пригнувшись и выставив перед собой меч.

Глаза привыкали к абсолютной тьме быстро, а когда я еще чуть постоял, всматриваясь в крошечную черноту, сперва начали плавать лиловые пятна, потом смутно проступили очертания стен, низкий свод.

Пригибаясь, я медленно двинулся вперед. Ход был достаточно широк, глаза медленно отвыкают от солнечного дня, потому, шаг за шагом, начал различать достаточно далеко вперед, то ли светящаяся плесень, то ли радиоактивные крупинки в камне, но я чувствовал себя в сумерках, когда цвета потеряны, все серое, как жизнь в провинции, но видишь достаточно ясно.

Ход расширился, я шел среди двух отвесных стен, а свод поднялся так, что терялся в темноте. Спина моя с облегчением выпрямилась. В полной тишине я слышал только звук своих шагов. Подземный мир казался пуст, даже запахи ослабели, словно меня черти несли в другую сторону.

Поколебавшись, я занес руки над головой, намереваясь сунуть тяжелый меч в ножны, осточертело нести на вытянутых руках, как вдруг далеко-далеко раздался щелчок, словно переломилась сухая веточка. Или лопнула тетива.

Я застыл, напряженно вслушивался, а затем ощутил сквозь подошвы, что каменный массив слегка подрагивает. Все сильнее и сильнее. Издали донесся тяжелый грохот, я ощутил, как по всему туннелю прошла, взвихрив мои волосы, воздушная волна, словно незримая подушка перед поездом метрополитена.

ГЛАВА 15

С глупо раскрытым ртом я стоял и тупо смотрел по сторонам, потом меня тряхнуло с такой силой, что в глазах мелькнули бабочки. Уже не оглядываясь, понял, что в мою сторону катится каменный шар размером со слона. Ноги мои сорвались с места, я помчался по туннелю, что понижался совсем слегка, но грохот нарастает, каменный пол под ногами дрожит, стены трясутся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.